

Вероника Тутенко

Если вы не бессмертны

*... это надуманное и бессмысленное
действие едва не окончившееся катастрофой
среди торжествующих зыбей поглощающих
любую реальность...*

Стефан Мелларме

... Но, видит Бог, есть музыка над нами...

Осип Мандельштам

Вторник

1

— Господа, я пригласил вас сюда, чтобы продемонстрировать, насколько безграничны возможности человека.

В гулком холле гостиницы «Октябрь» собрались человек пятнадцать журналистов, не считая постояльцев. Кто пришел пораньше, разместились на длинном диване и трех креслах. Заняты были даже подлокотники. Но некоторым все равно пришлось стоять. Операторы деловито настраивали свои «треноги». Все камеры были

направлены на невысокого щуплого человека во всем черном. Перед небольшим журнальным столиком на полу лежал огромный рюкзак, совершенно неуместный в этом интерьере.

Как цирковой артист, человек в черном развел руки в стороны и повернул их ладонями вверх, как будто собрался подняться на воздух. Некоторые и впрямь решили, что он сделает это, а девушка с необычным, ярко-малиновым цветом волос даже удивленно уточнила:

— Вы будете левитировать?

Человек в черном не удостоил ее ответом.

— Я выпью яд на ваших глазах, и со мной ничего не случится, — заверил он невозмутимо

Кто-то заплодировал.

Странный гастролер снова развел руки в стороны.

— Мы очень мало знаем о сверхвозможностях человека, — продолжал он спокойным и уверенным голосом, с лихорадочным блеском в глазах. — Но человек может ВСЕ. То, что кажется нам невозможным, на самом деле РЕАЛЬНО. Но мы используем наш мозг только на один процент. Мы ведем неправильный образ жизни и тем самым блокируем информацию, которая делает из обычного человека СВЕРХЧЕЛОВЕКА. Ведь, посмотрите, что мы делаем с собой! Мы живем каких-нибудь семьдесят-восемьдесят лет. В лучшем

случае — сто. А ведь раньше люди жили по девятьсот лет. Каждые два года все клетки в организме человека заменяются новыми, а люди стареют. Абсурд! К старости люди теряют зубы, а ведь на их месте могут вырасти новые. Нужно только правильно мыслить. Человек может выдерживать самые высокие и самые низкие температуры. Любые болезни излечимы. Я сам вылечил двоих человек от рака и одного от СПИДа.

— КТО ЭТИ ЛЮДИ?

Вопрос не прозвучал, а прогремел.

Высокий молодой мужчина при галстуке и в ядовито-зеленом пиджаке неслышно подошел со спины говорящего, и тому пришлось повернуться.

— Вадим Шевердин, телекомпания «Темп», — представился известный в городе тележурналист. Он как всегда опоздал и как всегда появился в самый интересный момент. Оператор «Темпа» спешно настраивал камеру.

— Как вы понимаете, — имя местной знаменитости явно ни о чем не говорило собравшему странную пресс-конференцию, — я не могу раскрыть их имена. Это КОНФЕДИЦИОНАЛЬНАЯ информация.

— Тогда как мы узнаем, что это правда? — встала на сторону опоздавшего Шевердина молоденькая девушка с лицом, изрытым оспинами, с длинными каштановыми волосами, заплетенными

в афрокосички, примостившаяся на подлокотнике дивана. По всей видимости, журналистка, на вид, не старше восемнадцати лет, работала в прессе совсем недолго. Во всяком случае, ее лицо не успело еще примелькаться на пресс-конференциях.

— К сожалению, я не смогу продемонстрировать вам сегодня все сверхвозможности, которыми может обладать человек, но вы увидите своими глазами, как я пью яд, будто обычную воду. Человек, обладающий сверхвозможностями, может выпить смертельную дозу яда и не только остаться при этом живым, но и не причинить ни малейшего вреда своему здоровью.

— Можно вопрос?

Возобновить монолог не удалось. С появлением «Темпа» аудитория вышла из-под контроля. Ядовито-зеленое пятно явно отвлекало внимание от главного действующего лица, а само действие начинало напоминать дешевую комедию.

Но человек, собравший журналистов, по-прежнему сохранял невозмутимое выражение лица. Впрочем, скорее это было лицо без выражения, одно из тех, которое часто встречается у талантливых актеров, политиков и шарлатанов. Лицо с удивительной способностью к самым неожиданным метаморфозам. Пожалуй, странному человеку в равной степени можно было дать как

тридцать лет, так и пятьдесят. Лысоват, и больше никаких особых примет. И одет он был соответствующим образом: черные джинсы, черная водолазка. Ничего отвлекающего.

— Хорошо, — с готовностью согласился человек с лицом актера. — Спрашивайте, что вас интересует, а я постараюсь ответить, так, чтобы всем все было понятно.

— Расскажите немного о себе. Как вы обнаружили в себе сверхъестественные способности? — опередила молодого человека, перебившего виновника пресс-конференции, женщина лет сорока из какой-то серьезной, официальной газеты, но, видимо гость города не слишком скрупулезно подошел к вопросу, кого приглашать, а кого нет.

— До тридцати пяти лет я был обычным человеком, — охотно начал он. — Жил в обычном небольшом районном городе, работал простым рабочим на молочно-консервном комбинате. Все, как у всех. Работа, дом, огород... Как-то в выходной, когда мы с женой пололи грядки, началась сильная гроза, и меня ударило молнией. Это было два года назад. С тех пор я и обнаружил в себе сверхспособности.

— А когда вы в первый раз выпили яд? — глядя поверх очков, спросила та же женщина.

— Где-то через неделю после той самой грозы я случайно выпил уксус, решив, что это... Ну вы понимаете... — в холле одобрительно засмеялись. — Так, вот, решив, что это водка, я выпил смертельную дозу, и вот!.. — человек в черном улыбнулся и снова поднял руки ладонями вверх.

— А вы умеете ливитировать? — немного изменил свой вопрос неряшливо одетый журналист маленького роста с включенной рыжей шевелюрой.

— Умею, но для этого нужен особый настрой. Здесь и сейчас, думаю, вряд ли получится.

— Вы сказали, что человек, обладающий сверхвозможностями, может прожить девятьсот лет. То есть вы, как человек, обладающих сверхъестественными возможностями, — собираетесь жить девятьсот лет? — развязно и четко и вместе с тем с издевкой в голосе поинтересовался тележурналист в ядовито-зеленом.

— Я собираюсь жить вечно, — серьезно, даже с вызовом ответил человек без особых примет.

— Поня-ятно, — покачал головой и тихо присвистнул Шевердин.

— Скажите, с какой целью вы нас сегодня собрали? — задал, наконец, свой вопрос молодой худощавый мужчина в очках, тот самый, который спросил, можно ли задать вопрос.

— Я уже демонстрировал свои способности в Москве, Петербурге, Липецке, Брянске... Я планирую объездить десятки городов, чтобы люди узнали истину, чтобы поверили в свои силы и начали жить по-другому, без страха, без боли и сомнений. Итак, я выпью керосин, ацетон и тосол, и еще покажу кое-что, чего не показывал раньше. Но это сюрприз под занавес.

Решив, что вопросы исчерпаны, человек в черном извлек из-под журнального столика, стоявшего напротив дивана, большой рюкзак.

— Как мы узнаем, что ацетон и все остальное — настоящее? — с напором в голосе спросил тележурналист в ядовито-зеленом.

Странный человек протянул Шевердину стеклянную бутылочку с какой-то жидкостью. Тот придирчиво понюхал.

— Ацетон. Вроде бы настоящий. Но, может быть, он наполовину разбавлен водой?

— Если у вас остались сомнения, вы можете сами сходить в магазин за тосолом и ацетоном. А я пока выпью то, что у меня в рюкзаке.

— Шнур, сбегай, — обратился Шевердин к оператору.

— Кто пойдет в магазин с ним? — обратился к журналистам постоялец гостиницы «Октябрь». — Чтобы наверняка...

Несколько журналистов засмеялись, оценив черный юмор человека, собравшего их на странную пресс-конференцию.

С дивана подскочил маленький рыжий журналист.

Две пары ботинок тотчас же застучали по лестнице.

— А пока, чтобы вы не скучали, выпью то, что есть, — обратился странный человек к оставшимся, открыл две другие бутылки и пустил их по кругу, чтобы все могли понюхать их содержимое. — Можете даже попробовать, — мрачно пошутил странный человек.

Пробовать, естественно, никто не стал, только представитель «Темпа» в зеленом пиджаке шутя поднес бутылку с керосином к губам. Но все в итоге дошло к их законному владельцу в целости и сохранности.

— Ох, что-то здесь душно, пить захотелось, — вдохнул тот шумно воздух и весело отхлебнул керосина. В другую руку взял со столика ацетон и залпом выпил сразу полбутылки.

Обе бутылки человек в черном поставил на стол и раскланялся во все стороны.

— А теперь немного о моем сюрпризе... — (в холле стало тихо) — Кто-нибудь из присутствующих боится змей?

— Да! Да! — раздалось несколько испуганных женских голосов.

— Кто боится, тому, я думаю, лучше покинуть пресс-конференцию, тем более, что главное я уже рассказал.

Никто и не думал уходить.

Но, когда человек в черном непринужденно извлек из рюкзака... настоящую гремучую змею, по этажу пронесся женский визг.

— Это что, гремучая змея? — удивился молодой стильный блондинчик в желтом балахоне. — Откуда она у вас?

— Не волнуйтесь, вас она не укусит, — успокоил журналистов человек в черном и хотел засунуть змею обратно в рюкзак, но, раньше, чем он успел сделать это, экзотическая рептилия, изогнувшись и оставила отметину на его руке.

— Укусила, змея! — криво улыбнулся он, демонстрируя журналистам красный след на запястье. — Но не волнуйтесь. Как я уже говорил, мой организм не чувствителен к ядам.

— Администрация гостиницы знает, что вы здесь устроили?! — с вполне понятными беспокойством и недовольством в голосе возмутилась журналист из официальной газеты, отчего ее очки съехали на самый кончик носа.

— Конечно, знает, — еще более натянуто улыбнулся человек в черном. — Я очень

благодарен администрации гостиницы за то, что любезно разрешили мне провести здесь пресс-конференцию. — На лбу странного гастролера выступили капельки пота. — И главное, что я хочу сказать, вам, всем людям, — человек БЕССМЕРТЕН. Смерть — это иллюзия. Но только посвященным дано это понять. Человек может жить вечно. — Мужчина в черном начал задыхаться. Согнувшись, судорожно вцепился в стол.

По ковровой дорожке, вдоль по коридору, извиваясь, уползала гремучая змея.

— Что с вами? Вам плохо? — обступили странного гастролера журналисты. — Скорую!

Кто-то бросился к телефону.

— Что здесь происходит? — вверх по лестнице поднимался директор гостиницы, Григорий Долидзе. Смуглое полное лицо грузина было бледным, как мрамор. Следом шли оператор «Темпа» и рыжий журналист с тосолом и ацетоном.

В конце коридора раздался испуганный визг. Кто-то увидел гремучую змею.

— Милицию, — еще больше побледнел директор. — Вызовите милицию.

На рецепции уже набирали «02».

— Поймите... поймите змею, — прохрипел человек в черном с пеной у рта и закатил глаза.

Толпа журналистов высыпала в морозящие октябрьские сумерки.

Последней вышла девушка в темно-зеленом свитере и короткой джинсовой куртке, с необыкновенно ярким, малиновым цветом волос.

— Вы не знаете, что там случилось? — обратилась к ней случайная прохожая, немолодая полная женщина, чье внимание привлекли милицейская машина и «скорая» у входа в гостиницу.

— Отравился экстрасенс, — спокойно, почти равнодушно ответила девушка с красными волосами.

— О, Господи... — расстроилась женщина.

Девушка с красными волосами неспеша раскрыла серо-голубой зонтик, глубоко вдохнула влажный осенний воздух.

Сохранять спокойное выражение лица, даже в одиночестве, что бы там не творилось в душе, уже вошло в привычку, это была не первая и не последняя трагедия, которая разворачивалась на ее глазах. Девушка с красными волосами работала в газете «Криминальная хроника».

Вдох-выдох. Не думать ни о чем. Ни о чем не думать не получалось. В голове звенело «я собираюсь жить вечно». Самоубийство? Как

монстры- муравьи с горящим глазами, сновали по переплетениям дорог автомобиля. Хотя при чем здесь муравейник... Вдох-выдох... Куда уползла эта гремучая змея?

Больше всего на свете девушка с малиновыми волосами боялась змей.

Полупустая маршрутка, но домой нельзя. Проклятый зануда! 18.00. Вторник. Еженедельная планерка. Что может быть скучнее и бесполезнее, чем обсуждать уже вышедший номер?

Но... после промозглости, проникающей внутрь, как змея (опять змея!) кабинет «проклятого зануды» кажется даже уютным.

— Опять одни «кирпичи». Где информации? Я спрашиваю, где информации? Я что, не говорил, с каждого по три- четыре информации. Это кроме больших материалов. Или что у нас все на правах писателей? — главный редактор «Криминальной хроники» явно пребывал не в самом безоблачном настроении.

Девушка с малиновыми волосами неслышно проскользнула на свое обычное место, у горшка с лимоном, который сама вырастила из косточки. Два года назад, когда она только пришла в редакцию, поспорила с «матерым» журналистом Денисом Новиковым: вырастет, не вырастет. А как вырос!

— Опаздываете, Инга Николаевна!

Если «проклятый зануда» обращается по имени — отчеству, значит он не просто зол, а вне себя от злости.

— Экстраординарные обстоятельства, Константин Иванович, — с иронией в голосе ответила Инга.

Когда она в последний раз называла Балоцкого по имени- отчеству? Может быть, месяц назад. При а- на- ло- гич- ных обстоятельствах.

Инга вздохнула.

— Фокусник... или экстрасенс... Никто толком не понял, кто он на самом деле... Умер в «Октябре» от укуса гремучей змеи. Или отравился ацетоном. Может быть, керосином. Пока ничего не ясно. Похоже, несчастный случай.

— Это тот, который собрал пресс-конференцию? — заметно повеселел и оживился Балоцкий.

— Да.

— А гремучая змея — настоящая?

Светка, когда удивляется, слишком округляет глаза, как будто изображает удивление. Наверное, чтобы ее и без того большие, темные глаза казались совсем огромными, как ночь. Не удивительно, что пред этими двумя полными полупритворного удивления безднами, не устоял Балоцкий, оставил первую жену с годовалым ребенком.

— Похоже, что да.

— Где, интересно, он ее взял? — темные глаза Светки стали еще больше.

— Об этом его спрашивал и Кирилл, не помню фамилию... Светленький, с ТВЦ... Андреев, кажется. Но ответить экстрасенс... или фокусник не успел.

— Откуда этот сумасшедший? — задумчиво почесал бритую голову Балоцкий

Инга назвала районный город, в котором родился парапсихолог.

— Завтра едешь в командировку, — задумчиво распорядился Балоцкий.

Инга вздохнула. За два года работы в «Криминальной хронике» ей не раз приходилось интервьюировать близких родственников погибших, и каждый раз это было большим испытанием.

— Но, может быть, родные еще не знают... Да и сразу после такого известия как-то... не этично брать интервью у близких родственников...

Нет, нужно было, конечно, найти какое-то другое объяснение. Такие понятия, как этика, для Балоцкого не существуют. Инга никак не могла привыкнуть к этой черте главного редактора.

— Меня не интересует, когда ты поедешь, — согласился он. — Главное, чтобы к следующему номеру был материал в «Частный детектив».

— К следующему номеру? — Инга округлила глаза не хуже, чем Светка. — Нет, я могу, конечно, к следующему номеру сделать обычный материал. Но на журналистское расследование мне недели не хватит.

— Хорошо...

Инга усмехнулась. Другого она и не ожидала. Конечно же, Балоцкого не устроит «обычный материал», если из него можно сделать конфетку в рубрику, которая вот уже целый год является его особой гордостью.

— В следующий номер сделай информацию в сводку происшествий, — подумав секунду, решил Балоцкий. — А через номер дадим полосу со всеми подробностями.

3

Значит, полоса... И, конечно, она не освобождает от «обязательного минимума» информации. Впрочем, с этим у Инги никогда не было проблем. Что-то всегда приплывало в руки само собой, пока она занималась глобальными проектами Балоцкого.

Инга раскрыла зонт, разбрызгивая вокруг себя капли, осевшие на нейлоне. Поставила его сушиться посередине комнаты и, конечно, под

серо-голубым куполом тот час же примостился пушистый рыжий кот Сомс.

Мимоходом заглянула в зеркало. Светлорусые корни волос отросли уже на целый сантиметр, да и ярко-малиновые кончики заметно потускнели. Нужно срочно навеститься к Руслану. Год назад именно он, экстравагантный владелец парикмахерского салона «У Руслана», между прочим бросил, что Инге пойдет ярко-красная шевелюра.

Ксюша, младшая сестренка, считает, что очень глупо натуральной блондинке краситься в красный цвет. Но что с нее взять? Ей только семнадцать. К тому же мечта Ксюши — стать второй Клаудией Шиффер. И чтобы больше походить на идеал, Ксюша прилежно осветляет на несколько тонов свои русые волосы. Зато оттенок «гранат» никогда не будет таким ярким на темных волосах.

Да и Макс считает, что леди с малиновыми волосами — это очень стильно.

В общем-то, волосы и привлекли его внимание к незнакомке в светлой джинсовой юбке несколько месяцев назад, на ипподроме.

Стояла такая ужасная жара, что даже «Cola», минуто назад извлеченная из морозильной камеры, становилась противно теплой.

И все-таки в такую жару не хотелось ничего. Только пить что-то, что еще не успело слишком нагреться, где-нибудь в тенишке.

Инге же оставалось только позавидовать счастливым, разместившимся на скамейках под навесом и на красных пластмассовых стульчиках под синими тендерами.

Облокотившись на барьер, вот уже битых пять минут Инга безуспешно пыталась поймать в кадр бегущую лошадь. Разумеется, у Фимки нашлись более важные дела на субботу. Впрочем, какие это важные дела — ясно. Наверняка, щелкает жениха и невесту на свадьбе. «Не стесняйся, красавица. Подними платье. Выше, выше! Зря что ли белые чулки с белыми туфлями надевала?». Эротичные невесты — конек Фимки. Куда только смотрят женихи?

— Девушка, вы случайно не журналист?

Ну вот, опять не вовремя нажала кнопку. В кадре остался только хвост и наездник в повозке. Вернее, наездница. Какой был бы кадр!

Инга недовольно покосилась на молодого человека, причем, мельком отметила, симпатичный, но, скорее, обыкновенный. И охота ему знакомиться в такую жару? Тоже еще Эраст Фандорин нашелся! Кем же интересно еще может оказаться девушка с красными волосами, рюкзаком за спиной и фотоаппаратом в руках?

— Да нет, просто фотоохотой занимаюсь, — Инга смахнула выступившие капли пота со лба и выпрямилась. На юбке отчетливо отпечатались зеленые полосы.

Только этого не хватало! Хуже всего было то, что этого типа только развеселило ее положение и растерянное выражение лица.

— А все-таки познакомиться придется, — обрадовался молодой человек. — У меня здесь гараж в двух шагах. А в гараже есть бензин...

Разумеется, гараж оказался не в двух шагах, а как минимум в двухстах метрах. Несущественное, конечно, расстояние, но по такой жаре...

— Не волнуйся, бега закончатся не раньше трех, — как будто прочитал мысли Инги ее новый знакомый. — Еще успеешь поохотиться со своим фоторужьем. — Ну вот и пришли...

Инга с наслаждением проскользнула в прохладный кирпичный гараж. Пожалуй, она меньше бы удивилась, если бы увидела в скромном гараже своего нового знакомого роллс-ройс.

Из глубины гаража на нее устремилась выключенные фары «девятки», выкрашенной в разноцветные полосы «под матрас», с усатой зеленой рептилией на спойлере...

— Симпатичный крокодил, — искренне одобрила Инга.

— Разрисовывали с другом, — молодой человек, явно, был доволен тем, какое впечатление на экстравагантную новую знакомую произвел его автомобиль. — Вообще-то это дракон. Только крылья не поместились.

— Молодой человек, вы случайно, не художник? — передразнила Инга своего нового знакомого. Да, по всей видимости, художник. Темные волосы на несколько сантиметров длиннее среднестатистической скучной мужской длины и немного взлохмачены. Потертые джинсы, черная футболка...

— Нет, — улыбнулся тот.

— Тогда, наверное, дизайнер по интерьеру.

— Холодно.

— Автомаяр.

— Холодно. Тюнинг — мое хобби.

— Тогда, — Инга состроила серьезную гримасу. — Доктор технических наук.

— Доктор — уже теплее. Я врач-травматолог.

Вот это да! Оч-чень неожиданно! Инга усмехнулась: да уж, физиономист из нее неважный.

... А вот Ксюша потом сказала, когда Макс пришел к ним домой, что у него на лице написано, что он медик, причем, прирожденный. Выпуклый лоб, а взгляд — доброты столько же, сколько цинизма.

Ксюше, конечно, виднее. В промежутке между кастингами и хождениями по косметологам и супермаркетам она учится на психолога и, если бы не вышеназванные обстоятельства, делала бы в этом деле большие успехи.

Интересно, что Ксюша скажет об этом экстрасенсе...

Инга сбросила фотографии в папку на «рабочем столе». Один кадр оказался особенно удачным. Вот что значит проявить самообладание в вовремя нажать кнопку на спуске. (У Фимки опять нашлись на вечер «более важные» дела, хоть сегодня и не суббота). Инга невольно поежилась, увеличив фотографию до размеров монитора. Кульминационный момент пресс-конференции. Человек в черном показывал оставшимся за кадром зрителям гремучую змею.

— Что это за сумасшедший?

Неслышно, как кошка, Ксюша подошла сзади. Сумасшедший. Вот это в точку!

— Почему сразу сумасшедший? Может быть, человек просто работает в цирке.

— Нет, он работает, явно, не в цирке, — прищурила большие голубые глаза Ксюша. Во всяком случае, к змеям он не имеет никакого отношения.

— Это почему?

— Посмотри, как он держит змею... Не за основание головы, как взял бы человек, который умеет обращаться со змеями, а почти за середину туловища. Хотя... это может говорить и о том, что он не боится, что змея его укусит. Значит, он или пьян, или под кайфом, или змея неядовитая. Но, скорее всего, он просто сумасшедший. Удивительно, как эта гадюка его не укусила.

— В том-то и дело, что укусила, — вздохнула Инга. — И хуже всего, что это даже не гадюка, а гремучая змея. И насчет кайфа ты тоже права. Этот сумасшедший выпил полбутылки ацетона, еще и керосину глотнул.

— Но зачем???

Инга покачала головой.

— Похоже, он всерьез считал, что обладает какими-то сверхвозможностями. Может быть, даже глотал раньше какие-то ядохимикаты. Но трюк со змеей пытался проделать в первый раз.

— Все понятно, — в свою очередь покачала головой Ксюша. — Осень. Обостряются психические расстройства. У этого, со змеей, похоже шизофрения. Может быть, это экстравагантный способ покончить с собой?

— Почему ты так думаешь?

— Посмотри на лицо этого человека. — (Инга увеличила лицо на весь экран). — Посмотри, какие неопределенные у него черты лица. Лоб низкий

(видишь, по бокам волосы растут совсем низко), но из-за лысины кажется высоким. Хотя обычно лысина начинает появляться как раз-таки с боков. Нос с горбинкой и мягким кончиком, что говорит о слабости характера и больших амбициях. А вот подбородок, наоборот, волевой, а нижняя губа намного полнее, чем верхняя — тоже признак неуравновешенной личности. Видишь, он улыбается, но только губами — признак слабой натуры. А глаза глубоко посаженные, маленькие. Скорее всего, человек жестокий и ограниченный. Такой, чтобы привлечь к себе внимание, пойдет на все, что угодно.

Неужели все-таки самоубийство? Или... Инга снова уменьшила фотографию до размеров монитора так, чтобы человек со змеей был виден в полный рост.

— А если это ... убийство. Может быть, он, действительно, уверен, что змея не ядовитая, и поэтому не раздумывает, за что ее взять. Может быть, действительно, когда-то хлебнул какого-нибудь уксуса, но совсем немного, а до этого еще молока выпил, и на него не подействовало. А он решил, что стал сверхчеловеком...

— Может быть, и так, — согласилась Ксюша. — Вот только кому понадобилось его убивать?

Среда

4

В самом деле, кому?.. Версия об убийстве, конечно, гораздо интереснее, чем банальный — пусть даже не банальный —, но все-таки несчастный случай. И даже интереснее, чем экзотическое самоубийство. Но если этот ненормальный хотел таким образом привлечь к себе внимание, что ж, это ему удалось.

В утренних новостях по всем местным телеканалам прошел сюжет о загадочной смерти парапсихолога Сергея Аникшина.

Оторвавшись от редакционного телевизора, пять минут Инга молча гипнотизировала телефон. С чего начать распутывать этот странный клубок? Результаты экспертизы, конечно, еще не известны... Да, пожалуй, лучше всего с директора гостиницы.

Вопрос о вчерашнем происшествии, как и предполагала журналистка, восторга у Долидзе не вызвал.

— Дэ- вушка, я повторяю, — директора «Октября» явно с утра пораньше уже успели достать коллеги из других средств массовой информации. — Я ничего не знаю об этом. Ни о какой прэсс- конференции он меня не

предупреждал, и никого из администрации гостиницы не предупреждал. Вы что сами не видели? Большой человек.

Инга не собиралась так просто сдаваться.

— Скажите, сколько человек в эти дни остановилось в вашей гостинице? Нет ли среди тех, кто мог знать Аникшина раньше?

— Откуда же я знаю, кто мог, а кто не мог его знать, — горячился грузин. — А сколько человек остановилось, я не могу вам дать такие сведения по телефону.

— Я могу к вам сегодня подъехать?

— Только если вэчером и только на пять минут. В семь часов вас устроит?

— Устроит, — вздохнула Инга.

А ведь сегодня вэчером она собиралась поехать к Максy. Сразу после Руслана, ухоженной и похорошевшей. Да, надо еще позвонить Руслану.

Парикмахер, по праву считающийся одним из лучших в городе, как всегда был занят головкой очередной клиентки.

— Привет. Нет, на шесть у меня уже есть клиент, Очень капризная дама. Прости, — щебетал Руслан. — Но могу записать тебя на полшестого.

— Давай на полшестого, — согласилась Инга.

Имеет она, в конце-то концов, право уйти с работы на полчаса пораньше, тем более, что вэчером у нее важная встреча с Долидзе.

Вот если бы она пришла к нему с естественным цветом волос, без сомнения, грузин выложил бы ей все, что знает и не знает. Может быть, конечно, экстравагантные леди ему нравятся тоже, но лучше подстраховаться...

И позвонить Ксюше.

Инга быстро пролистала имена и фамилии в телефонной книжке своего мобильного до буквы «К».

— Говори быстрее. У меня лекция, — промурлыкала в трубку младшая сестра.

— Ты можешь сегодня в семь сходить со мной к одному типу?

— Это связано с тем сумасшедшим?

— Да.

— Тогда схожу. Мне самой интересно...

Инга самодовольно улыбнулась. Ни в первый раз сестренка помогала ей разговорить даже самых неразговорчивых типов. Да уж, из Ксюши вышел бы хороший журналист. Даже вопросы никому не пришлось бы задавать. Во всяком случае, мужчинам.

Правда, на сотрудников милиции может не подействовать даже Ксюшино обаяние.

Так... Теперь в отдел милиции. Номер начальника отдела Инга знала наизусть. Хотя вряд ли он скажет что-то интересное. Результатов экспертизы, наверняка, еще нет.

— Чиграков, — поднял трубку начальник отдела.

— Здравствуйте, Андрей Алексеевич. Инга Иволгина из «Криминальной хроники».

— Здравствуйте, Инга Николаевна.

— Андрей Алексеевич, я по поводу вчерашнего случая в «Октябре». Есть какие-то подробности?

— Происшествие, конечно, необычное, но, скорее всего, несчастный случай. Факир был пьян и фокус не удался...

Инга представила ухмыляющееся, вечно красное лицо начальника отдела. Эта привычка Чигракова смеяться, когда это совсем не уместно, временами ее очень раздражала.

— Может быть, даже этот сумасшедший намеренно собрал пресс-конференцию, чтобы покончить с собой на глазах у всех, — предположил начальник отдела.

— Странный способ покончить с собой...

— Странный, но разве нормальный человек будет глотать яды перед журналистами?

— Вряд ли, — согласилась Инга.

— Вот видите... А вы, наверное, хотите услышать «жареные» факты...

— Хотелось бы...

— Ну что... Змея куда-то бесследно исчезла. Ищем. Больше ничего такого...

5

Змея. «Поймайте змею». Предсмертные галлюцинации или ...

Удар молнии... И при чем здесь бессмертие? Все-таки сумасшедший.

6

Над ухом закипел чайник. Светка не спеша, так, чтобы все могли ее рассмотреть (хотя в помещении была только Инга) продефилировала из своего угла к чайнику.

Инга поймала себя на том, что грызет авторучку. Да уж, хорошая привычка для лучшего журналиста лучшей в городе криминальной газеты. Правда, это единственная криминальная газета в городе. И каждый из ее журналистов, конечно же, считает себя лучшим. Даже Фимка, который снимает главным образом эротичных невест, юбилеи и трупы, и тот незыблемо верит в свою гениальность. Но самый гениальный непризнанный гений в редакции, разумеется, Денис Новиков.

С утра он ушел на интервью с председателем областного суда, и Фимку прихватил с собой.

Паша Фролов сейчас в Москве, охотится за «звездами» на последнюю полосу. Вернется,

конечно, с обострившимися признаками «звездной» болезни, усталым презрительным взглядом и кучей гениальных идей в голове.

Молоденькие студентки-третьекурсницы Таня и Женя, скорее всего, на лекциях. Пишут девчонки наравне с остальными, и, соответственно, наравне с остальными считают себя матерыми журналистами-криминалистами, но хитрый Балоцкий взял на одну ставку — сразу обеих.

А вот Алису Майскую, невзирая на возраст, пожалуй, можно причислить к матёрым репортёрам, хотя на самом деле, конечно, никакая она не Майская и даже не Алиса. Настоящее имя Алисы Майской — Наташа Пашкевич, но на «Наташу» она не откликается с тех самых пор, как придумала себе этот, по ее мнению, весьма удачный псевдоним. А для большей убедительности сочинила историю, в которую, впрочем, никто не верит, что с детства в семье ее звали Алиса, а крестили как «Наташа» и потому и в документах записали «Наташа».

Наташа, она же Алиса, и Светка терпеть не могут друг друга, и дело не только в том, что Светка Балоцкая, заместитель главного редактора и жена по совместительству освобождена не только от обязательных пяти информашек в неделю, но и от месячной нормы строк, в то время как Алиса постоянно не досчитывалась гонораров. Было

между Алисой и Светкой еще одно яблоко раздора. Конечно, Балоцкий не мог не предвидеть, как будут дальше развиваться события, когда взял (вопреки протесту Светки) на работу миниатюрную голубоглазую стерву с густыми ореховыми волосами до плеч, которая не стесняется строить глазки Балоцкому прямо при второй жене. Впрочем, Балоцкого это не особенно смущает.

Утром Светка с Алисой опять из-за чего-то (ясно, из-за чего) поссорились, и Алиса поехала делать репортаж в вытрезвитель очень рассерженной.

«Яблоко раздора» и вовсе еще отсыпалось дома после очередной пьянки, и, может быть, даже не у себя дома, судя по тому, что с утра Светка выкурила уже не меньше пяти сигарет.

Так что к одиннадцати часам дня в редакции уже стоял густой туман.

— Будешь пить чай?

Инга кивнула и подвинулась вместе со стулом к стеклянному журнальному столику.

— Тебе какой? Зеленый, черный или каркаде?

— Как в фито- баре... Зеленый.

Светка снова затынулась «Virginia Slims», протянула пачку Инге. Вот уже два месяца, призвав на помощь всю силу воли, Инга жевала «Stimorol», сосала «Chupa Chups», в общем, делала все для

того, чтобы покончить с вредной привычкой, и тут Светка со своей «Вирджинией»...

Инга поспешно замотала головой и отхлебнула мутную зеленоватую жидкость.

— Ну как там твой чокнутый экстрасенс? — Светка снова задымила сигаретой.

— Пока ничего не известно...

— Слушай, возьми интервью у наших экстрасенсов. Сейчас дам тебе телефон одного колдуна, — Светка полезла в маленькую бежевую сумочку, похожую на большой кошелек, долго в ней копалась и извлекла, наконец, из нее миниатюрную записную книжку с Синди Кроуфорд на обложке. — Они же, чокнутые, все друг друга знают. Вот! Чурилов Василий Григорьевич, маг в третьем поколении, парапсихолог.

Светка обожает давать советы, нужные и ненужные. Чаще — ненужные. Но на этот раз, похоже, она права.

«Комментарии по поводу несчастного случая» Чурилов согласился дать сразу.

— Сейчас можете подъехать?

— Да, конечно...

— Подъезжайте. Знаете, куда?..

— Да.

— Только поверьте мне... — потомственный маг выдержал интригующую паузу. — Никакой это не несчастный случай.

— А что же?

— Убийство!

В трубке заметались короткие гудки.

— Еще один сумасшедший! — Инга сделала глубокий вдох.

7

В клубе парапсихологии стоял такой же смог, как в редакции. Только это был запах не сигарет, а чего-то, похожего на ладан.

— Опиум... — прочитал мысли Инги человек с пронзительным, колючим взглядом. — Вы любите благовония?

Взгляд, острый, как невидимые стрелы, — первое, что бросилось в глаза. Все остальное — средний рост, среднее телосложение, черная с проседью борода средней длины — казалось чем-то совершенно незначительным, не имеющим никакого отношения к пугающей силе этого взгляда.

Инге показалось, что сквозь нее прошли две невидимые стрелы. Одна из них — прямо через сердце.

— Значит, вы считаете, что Аникшина убили?

Чурилов странно усмехнулся. Усмешка вышла почти доброй, так же, как добрыми можно было бы назвать грубоватые черты его лица деревенского

знахаря, если бы на этом лице не жили какой-то отдельной жизнью черные пронзительные глаза.

Инга давно научилась выдерживать любые взгляды, но этот... Чурилов как будто снова прочитал ее мысли, увидел и загнанный в дальний угол подсознания смутный страх, и неуклюжую попытку отгородиться от невидимых стрел оказавшейся такой ненадежной стеной официального тона. «Значит, вы считаете...»

— Вы знали Аникшина лично?

Нет, конечно, нужно было выдержать паузу, дождаться ответа на вопрос, но молчать под взглядом, который ничуть не смягчила усмешка, оказалось невозможно.

— Я был один раз на его сеансе в Воронеже.

— Расскажите, пожалуйста, что это был за сеанс...

Обычно Инга старалась в первые же минуты интервью обратить официальный разговор в неформальную беседу. Как правило, для этого достаточно настроиться на волну собеседника. Но под колючим взглядом Чурилова гораздо безопаснее оставаться собранной, с холодной, приветливой маской на лице.

— Вы же видели все своими глазами...

— Да, я была вчера в «Октябре»...

Потомственный маг снова мрачновато усмехнулся. Хочет показать, что видит насквозь. А

сам всего-навсего посмотрел репортаж в утренних новостях. Может быть, даже камера выхватила девушку с красными волосами крупным планом. А если, к тому же, это была камера ТВЦ, то выхватила наверняка. Пресс-конференцию в «Октябре» снимал тот самый самодовольный оператор, напрочь лишенный чувства юмора, который уже давно не равнодушен к красноволосой девушке из «Криминальной хроники». И даже если Чурилов просто услышал о вчерашнем происшествии по радио, несложно догадаться, что журналистка из криминальной газеты, которая позвонила ему на следующий день, вероятнее всего, была на той пресс-конференции. Тем более, если она всем своим видом подыгрывает магу в третьем поколении.

— Значит, он глотал ядохимикаты...

— Да, но он делал это не перед журналистами.

Среди любопытных были и посвященные.

Посвященные!.. Да уж, где уж непосвященным разобраться, где шарлатан, а где...

— То есть, вы считаете, что Аникшин, действительно, обладал сверхъестественными способностями?

— Я знаю это. Человек, обладающий сверхъестественными способностями, с первого взгляда видит, обладает ли ими другой.

Сумасшедший, наверняка! Инга перевела взгляд с дрогнувшей бороды Чурилова на окно, за которым бушевал, ударяясь о ставни тонкими ветками с кленовой позолотой, листопад. Усмешка Чурилова начинала раздражать Ингу. И это было даже хорошо. Она перестала чувствовать себя под магнетическими черными глазами, как кролик под взглядом удава.

— Но разве достаточно побывать на одном сеансе, чтобы сделать вывод, что Аникшина убили, тем более, если вы даже не были знакомы...

— Зато я знаком с тем, кто убил его...

Наверняка, если бы Чурилов произнес эту фразу с торжественными или трагическими интонациями, это выглядело бы нелепо, даже комично. Но он сказал это просто, даже буднично.

Задавать вопрос «Кто этот человек?» не пришлось. Вернее, Инга спросила об этом глазами, вскинув удивленный взгляд на Чурилова.

Невозмутимая маска соскользнула с ее лица. Растворилась в опиумном дыме.

— Его убил Меркулов.

Дверь тихо открыла девушки с неестественно ясным лицом.

— Папа, к тебе пришли.

Чурилов поднялся со стула.

— Покажи пока нашей гостье съемку, ту, где мы с Адонисом разгоняем облака.

Девушка кивнула.

Чурилов осторожно закрыл за собой дверь. Девушка с интересом смотрела на Ингу и в то же время как бы сквозь нее.

— Вы не верите, что Аникшин был посвященным?

— Вы ясновидящая?

Инга поймала себя на том, что задала вопрос недружелюбно, с иронией в голосе. Но, в конце концов, никто ведь не заставляет ее насильно выслушивать бредовые версии (а, скорее всего, именно такими они и окажутся) смерти Аникшина. Напротив, Чурилов охотно согласился поделиться с ней своими подозрениями, а его дочь в отсутствии мага занимает ее.

Девушка, однако, совсем не обиделась

— Можно сказать и так.

Унять ехидство, тем не менее, оказалось непросто.

— Вы можете сказать, как меня зовут?

— Нет, — честно призналась дочь потомственного мага. — Если постараться, то, конечно, можно. Но что-то я вижу сразу, а что-то — нет, и если что-то не открывается сразу, значит, это не обязательно видеть.

— Тогда представляюсь сама. Меня зовут Инга, — улыбкой Инга попыталась загладить иронию.

— Арина, — девушка представилась без улыбки.

Лицо ее сохраняло то же выражение спокойной безмятежности, с каким она вошла. Инга попыталась представить это странное лицо освещенным улыбкой или расстроенным, и не смогла.

Перед ней было не обычное земное лицо.

Конечно, может быть, ясновидящая в четвертом поколении просто очень хорошая актриса, а с папашей-шарлатаном это неудивительно, но в Арине, явно, было что-то неуловимое, то, что делало ее особенной, не похожей на земную девушку.

На вид Арине двадцать два — двадцать три. Ровесница. По красоте, пожалуй, не уступает Ксюше. Да, тот же тип. Такая же алибастовая кожа, большие глаза, длинные густые светлые волосы. Но Ксюшу сразу выхватишь взглядом из толпы, а красоту Арины замечаешь постепенно. Как с трехмерным японским рисунком... Чтобы увидеть главное, нужно долго смотреть на него, погрузиться в обычные на первый взгляд узоры.

Высокая и стройная, Арина вполне могла бы быть фотомodelью, но что-то неуловимое в дочери мага делало ее красотой второстепенной.

Тот же пронзительный взгляд, но не колючий, как у отца, а немного отстраненный.

И одевается дочь мага в третьем поколении совсем не так, как Ксюша. Случайно увидев Арину на улице, вряд ли запомнишь, во что она одета. Безликая одежда Арины — свободные серо-зеленые светлые брюки и бежевая блузка очень простого покроя — как ни странно, только подчеркивают ее грациозную и уверенную манеру держаться.

Наверное, такие женщины жили в затонувшей Атлантиде. Хотя при чем здесь Атлантида?

— А обо мне тебе что-нибудь открылось? Ничего, что я на ты? — спохватилась Инга.

— У тебя в роду был священник, — не обращая внимания на второй вопрос, начала Арина, глядя в одну точку и как будто сквозь Ингу. -

Ты боишься змей и у тебя большая печень.

Глаза Инги округлились и стали еще больше и удивленнее, чем у Светки.

Действительно, в детстве дедушка ей рассказывал, что его дедушка был священником. Со змеями тоже в точку, но кто их не боится?

А вот с печенью — промашка. Но как она могла узнать о священнике?

— У меня никогда не болела печень. А прапрадедушка у меня, и правда, был священником. И змей я боюсь — это правда.

Инга ожидала, что сейчас Арина начнет убеждать ее, что сказанное — ни что иное, как иносказание, что болезнь печени окажется

каким-нибудь там энергетическим поражением или чем-то вроде того, но Арина молча взяла с полки какую-то кассету и присела на корточки перед телевизором.

Он вполне вписывался в сюрреалистический интерьер странного помещения. Из мебели только три стула, тумбочка, забитая какими-то проводами, на которой стоял телевизор, и больничная кушетка, густо усыпанная битыми зелеными стеклами.

На полу, под ногами аскетической кушетки несколько бутылок из-под шампанского.

Стены казенного мрачно-синего цвета. С потолка свешивались какие-то маятники, колокольчики и прочая ерунда.

В темном углу комнаты, напротив двери, на длинной цепочке покачивался хрустальный шар.

По экрану пошли разноцветные волны. Через минуту волны превратились в густые облака.

— Пасмурно, однако, — не то в шутку, не то всерьез, закинув голову к небу, красивым, но, пожалуй, слишком высоким, почти женским голосом произнес высокий остроносый мужчина в распахнутом черном плаще, с длинными черными волосами. По всей видимости, это и был Адонис.

Инга подумала, что таинственный Адонис смутно кого-то ей напоминает. Но так и вспомнила, кого именно, Макса, или Дэвида Коперфильда, или кого-то еще.

— Да, работы предстоит много, — согласился Чурилов, на котором был надет какой-то потрепанный тулуп. — Приступим.

На заднем плане толпились какие-то люди. Их лиц не было видно. Странная парочка уставилась в небо. Дальше камера целую минуту показывала только облака.

— Кто это снимал? — поинтересовалась Инга. Вполне понятный профессиональный интерес.

— Я. Любительской камерой.

Облаков, между тем, действительно становилось все меньше.

Камера уже блуждала по вершинам деревьев. Зеленых, но эти двое тепло одеты. Значит, апрель, или май.

Посредине пустынного поля спиной друг к другу стояли Чурилов, похожий на сельского колдуна, и загадочный Адонис.

Да, чем-то похож на Макса.

— Кто этот Адонис?

— Адонис тоже маг, но не такой сильный, как папа. Но многому папа его уже научил.

— Разве можно этому научить? Если у меня, например, нет никаких сверхъестественных способностей.

Арина неопределенно усмехнулась, и ее лицо, изменившееся впервые за последние полчаса, стало вдруг поразительно похоже на лицо ее отца.

Инга снова перевела взгляд на экран. Облаков на небе почти не осталось. Несколько легких облачков, которые через минуту развеял ветер.

Люди на заднем плане принялись ликовать и аплодировать. Камера Арины пробежала по их лицам. Среди них были и совсем юные, и покрытые морщинами.

— Кто эти люди?

— Наши с папой знакомые, знакомые Адониса. Просто люди, которые увлекаются эзотерикой. А вот этот человек... — Арина остановила кадр. Крупным планом камера показала человека лет сорока с широким носом и соломенными волосами, подстриженными полукругом. — А этот человек — Повсекакий Меркулов.

— Повсе... кто, — Инга спросила совершенно серьезно, но получилось снова как будто с издевкой, но кто виноват, что у этого мага такое странное имя.

— Повсекакий, — серьезно повторила Арина. — Повсекакий Меркулов.

— Тот самый, который убил Аникшина?

Арина энергично закивала.

— Этот человек очень завистлив. Он ненавидит папу, ненавидит Адониса. И Аникшина он тоже ненавидел.

— Но за что?

— Не все маги одинаково сильны. Кое-что Меркулов, конечно, умеет. Но разогнать облака или вылечить человека от рака ему не под силу.

Примерно такой ответ Инга и ожидала услышать. Один шарлатан обвиняет другого шарлатана в шарлатанстве. Что ж... Хотя, вполне может быть, у Арины и в самом деле есть какой-то дар. Во всяком случае, про прапрадедушку священника она сказала чистую правду.

— Меркулов — маг-любитель, но хочет, чтобы его считали сильным магом. Он бывает на всех более или менее значимых эзотерических сеансах, но от этого он не станет посвященным.

— Значит, не каждый может стать посвященным?

Инга с удивлением отметила, что она уже без иронии вставляет в свою речь такие странными словечками как «посвященный» — «непосвященный». Арина же, напротив, как только речь зашла о конкуренции среди магов, перешла на язык склочной хозяйки какого-нибудь салона-магазина, без зазрения совести поливающей грязью другой, точно такой же магазин. Нет, сейчас Арина совершенно не напоминала жительницу Атлантиды.

Поле на экране, между тем, сменилось очертаниями той самой комнаты, в которой Инга разговаривала с Ариной.

На аскетической кушетке извивалась какая-то пожилая женщина. Чурилов, уже без тулупа, водил над ней руками.

Кушетка также была усыпана битыми стеклами.

— Эта женщина — йог?

— Нет, обыкновенная женщина... А это — папа изгоняет бесов.

В той же комнате на стуле перед телевизором, там, где сидела Инга, кричала, стонала, лаяла другая женщина, лет сорока. Чурилов водил над ней руками и приказывал кому-то выйти. Одержимая басила мужским утробным голосом, но рот ее оставался при этом закрытым.

— Из этой женщины я выгнал семь бесов, — появился в дверях Чурилов.

Инга все еще недоверчиво посмотрела на мага в третьем поколении.

— Хочешь сама полежать на стеклах? — лукаво прищурился маг.

— На этих?

— Раздевайся, — приказал маг.

— Как? Полностью?

— Зачем же мне полностью? Только до пояса.

Инга за секунду выбралась из пушистого белого свитера. Осталась в кофейной вельветовой мини- юбке. Больше снимать ничего не пришлось. Обладая упругой грудью, Инга с презрением

относилась к бюстгальтерам, лишаящим движения их естественной грации.

— Это обычное стекло?

Чурилов поднял с пола бутылку из-под «Советского», с невозмутимым видом разбил ее об осколки, устилавшие койку. Та же участь ждала другую бутылку из-под шампанского.

— Можешь потрогать, — Чурилов показал Инге пример и отдернул руку от свежего осколка: — Острые!.. Ну, ложись.

Инга медленно приблизилась к койке. Чурилов поднес ладонь к ее лицу.

— Смотри в центр ладони, и страх пройдет.

Пройдет, как же! Во всяком случае, не надо его показывать. Будет, конечно же, больно, но...

— Не сопротивляйся! — рассердился Чурилов. — Ни о чем не думай. Расслабься. Смотри в центр ладони.

Ни о чем не думать, ни о чем не думать, ни о чем не...

Инга почувствовала, как тело ее само опустилось на стекла.

— Видишь, это не больно...

Чурилов взял с тумбочки какие-то наушники, надел их на Ингу...

Голос Чурилова, шелест листвы, шум автомобилей за окном — все потонуло в однообразном гуле... Знакомом величественном

гуле... Инга закрыла глаза и провалилась в бездонную пропасть, но падала почему-то не вниз, а вверх, и перед ней расступались бесчисленные галактики... Миллионы, миллиарды звезд...

Миллионы, миллиарды бесчисленных осколков...

Это совершенно не больно...

— Тише. Тише. Ты же на стеклах лежишь. Так осторожнее. Поднимайся.

Голос Чурилова вернул Ингу в странную комнату. Сидя на краю койки, Инга хлопала длинными не покрашенными ресницами. Над ней стояла Арина с камерой.

Инга стряхнула со спины мелкие прилипшие осколки. Невероятно, но царапин не осталось. Встала, взяла со спинки стула свитер и влезла в теплую пушистую вещицу так же быстро, как и скинула ее.

Зеленоватые осколки зловеще поблескивали.

— Неужели я, правда, лежала на них голой спиной?

— Не только лежала, а такое вытворяла!.. — усмехнулся Чурилов.

Инга испуганно захлопала ресницами. В памяти остались только звезды. Что же такого она вытворяла?

Арина нажала кнопку на пульте, и на экране появился профиль Инги и рука Чурилова в

нескольких сантиметрах от ее лица, укладывающая девушку на стекла.

Волосы цвета «гранат» казались в полумраке комнаты красновато-каштановыми. В первую секунду, отметив, что профиль красиво очерчен, Инга не сразу узнала в красивой брюнетке себя. А узнав, решила, что надо бы сегодня же вечером придать несколько выцветшим волосам цвета «гранат» более темный оттенок «вишня».

Рука Чурилова летала над девушкой в наушниках, и она послушно поднимала и опускала руки, приподнимала голову, а потом вдруг начала извиваться на стеклах.

— Это какой-то особенный шлем?

Чурилов протянул Инга наушники.

— Самый обыкновенный. Чтобы не отвлекал лишний шум.

Инга повертела в руках черные наушники, и, не обнаружив в них никакого секрета, вернула их магу.

— А Меркулов может укладывать людей на стекла?

— Укладывать на стекла, наверное, может, — усмехнулся Чурилов. — Это на самом деле совсем не сложно. Достаточно хотя бы немного владеть гипнозом.

— А что вы еще умеете?

— Снимать порчу и сглаз, изгонять бесов, заговариваю на удачу. Вот сейчас приходил бизнесмен снимать приворот. Приворожила любовница, да так, что чуть не умер.

— Все это платные услуги?

— Чтобы что-то получить, надо что-то отдать, — философски заметил Чурилов, — что получаешь просто так, то так же быстро уходит. Закон взаимодействия энергий. Но если человек малообеспеченный, мы берем чисто символическую плату.

— А Аникшин тоже лечил за деньги?

— Не совсем правильно говорить «лечить за деньги», — вмешалась в разговор Арина. — Совершенно не обязательно человек за выздоровление должен отблагодарить мага деньгами. Это может быть банка меда, корзина яблок... Все, что угодно. Настоящие маги не назначают цену за свой дар, как назначает ее тот же Меркулов.

Так, понятно. Значит дело не только в зависти к более сильным магам, а вероятнее всего, в банальной конкуренции.

— Но как Меркулов мог убить Аникшина, если его не было на той пресс-конференции?

Чурилов покачал головой, а Арина с сожалением посмотрела на Ингу. Вид отца и дочери

красноречиво говорил: до чего ж простодушны эти непосвященные.

— Чтобы убить человека, магу вовсе не обязательно находиться в том же месте, где его жертва, — терпеливо начал объяснять Чурилов. — Меркулов нанес Аникшину удар на расстоянии.

— Но если Меркулов слабый маг, а Аникшин сильный, то как же слабый маг может убить сильного, да еще и на расстоянии? И почему сильный маг не может защитить себя от энергетического удара слабого мага?

От эзотерических бесед у Инги начала идти кругом голова, и она то и дело с тоской бросала взгляды в окно, за которым лениво проглядывало сквозь облака холодное осеннее солнце.

Чурилов понимающе закивал головой.

— Это легко объяснить. Аникшин часто проводил эксперименты с ядохимикатами, но со змеей — в первый раз. Поэтому он не мог быть в этот момент абсолютно уверенным в своих силах, а это очень важно для мага. К тому же, может быть, еще на этой пресс-конференции было что-то, что отвлекло внимание Аникшина, вывело его из равновесия, — Чурилов испытывающее посмотрел на Ингу, и от этого взгляда в ее памяти всплыл ядовито-зеленый пиджак Шевердина. — В таком состоянии очень легко нанести человеку энергетический удар. А результаты экспертизы,

скорее всего покажут: отравление ядом. Не важно каким. Но никакого отравления не было бы, если бы в этот момент Аникшину не нанесли энергетический удар.

В дверь осторожно постучали.

— Да! — зычно отозвался Чурилов.

— Василий Григорьевич, там к вам женщина с ребенком. Что ей сказать?

На пороге возник тот самый Адонис, который разгонял облака. С интересом посмотрел на гостью, плавно, как будто позировал перед камерой (видимо, Арина их к этому приучила), облокотился на дверной косяк.

— Скажи, что я сейчас освобожусь...

— Ну что же, — поднялась Инга. — Спасибо за комментарии. Кстати, вы не подскажите, как найти этого Меркулова.

Арина быстро вырвала из какого-то блокнота листок, набросала на нем адрес и протянула его Инге:

— Меркулов — президент этого клуба...

8

Смог в редакции сгустился. Светка все так же, бессмысленно глядя в монитор, дымила сигаретой.

В другой компьютер уткнулась Алиса, с видом полного безразличия ко всему происходящему вокруг раскладывала пасьянс.

— Привет!

— Ну как?

Обе обрадовались появлению Инги.

Ответив «привет» Алисе, Инга достала из внешнего кармана красной сумки листок с адресом Меркулова, тожественно прочитала:

— Президент общества прикладной психологии «Третий глаз» Повсекакий Меркулов. — Менее торжественным голосом добавила. — Убийца Аникшина. Маразм!

— А почему Чурилов думает, что убийца — этот безумный президент? — захлопала ресницами Светка.

— Ясновидящие, — развела руками Инга. — Он и его дочь.

— Да, да, у него есть дочь. Красивая такая девушка, высокая, — Светка недовольно покосилась на Алису. — Кажется, ее зовут Алина.

— Арина. Эта Арина предсказала мне интересные вещи, — усмехнулась Инга. — И, как ни странно, она угадала, что я боюсь змей, и что мой прапрадедушка был священником.

— Твой прапрадедушка был священником? — Светку почему-то больше удивил сам этот факт, а не то, что каким-то образом его узнала (или

угадала?) Арина. — А змей я и сама боюсь. Прямо так и сказала: «Твой прапрадед был священником?»

— Ну, не совсем так. Сказала: «У тебя в роду был священник».

— Ну мало ли кто у кого был в роду, — Светка задумчиво выпустила вверх струйку дыма. — Если хорошо покопаться, у каждого из нас в роду были и священники, и убийцы.

— А если покопаться еще лучше, — оторвалась от компьютера Алиса, — то у всех у нас одни прародители, Адам и Ева, и сколько с тех пор поколений было... И попробуй узнай, кто там был у тебя в роду. Ты вот хоть знаешь, кем был твой прапрадед. А многие и этого не знают.

Светка смерила Алису испепеляющим взглядом и, с наслаждением пустив струйку дыма в сторону некурящей соперницы, повернулась к Инге:

— А что еще она говорила?

— Еще сказала, что у меня проблемы с печенью, но это неправда.

— Ты точно в этом уверена? — почему-то Светка вдруг встала на сторону Арины. Но, наверное, если бы Арина и это угадала, Светка сказала бы, что это тоже совпадение. «Если хорошо покопаться, у каждого из нас каких болезней только нет!» Так бы и сказала.

— На сто процентов.

— Ни в чем нельзя быть уверенной на сто процентов, — снова поддержала Светку Алиса и снова получила за это негодующий взгляд больших темных глаз. — Может быть, у тебя болит печень, но ты об этом не знаешь?

— Как это болит, но я не знаю? А кто знает? Пушкин? Арина Родионовна?

— Арина, как ее там, Васильевна, — Светка потушила окурков, покачивая бедрами, проплыла мимо Алисы, включила чайник. — Инга, а если правда... Три совпадения — это уже не просто совпадения. Почему бы тебе не сходить к врачу?

— Почему бы тебе не стать вице-президентом общества «Третий глаз»?

Алиса одобрительно захихикала, соглашаясь тем самым, что место вице-президента общества «Третий глаз» и второй жены Повсекакия Светке подходит гораздо больше, чем место заместителя редактора газеты «Криминальная хроника» и второй жены Балоцкого.

— У меня нет времени ходить по врачам, тем более, что у меня ничего не болит.

Но, похоже, довод «ничего не болит» Светке не показался убедительным.

— Сделай томографию. Это недолго. Центр медицинской профилактики виден из окна.

Чайник тихо присвистнул.

— Чай будешь?

Предложение, естественно, относилось исключительно к Инге и никоим образом к Алисе, и принять его означало встать на сторону «против Алисы».

— Нет, сейчас надо позвонить, — Инга тяжело вздохнула, — родным Аникшина.

Благо, перед своим последним концертом он успел раздать журналистам визитки. На розовой матовой бумаге два телефона, домашний и мобильный, и четыре слова Сергей Александрович Аникшин, парапсихолог.

Трубку взяла женщина.

Услышав хриловатое «Алло», Инга нервно сжала трубку. Наверное, мать. Как разговаривать с ней в такую минуту?

— Алло. Здравствуйте. Вас беспокоят из редакции газеты «Криминальная хроника». Я могу поговорить с кем-нибудь из близких Сергея Аникшина.

— Я его жена.

— Простите, что беспокою вас в такой момент, и примите мои соболезнования. Я журналист криминальной газеты. Мы пытаемся восстановить истинную картину происшедшего. Скажите, я могу к вам подъехать, разумеется, когда вы будете готовы поговорить со мной?

— Подъезжайте завтра. В половине первого. Похороны начинаются в двенадцать. Я живу прямо

напротив кладбища, — женщина произносила слова отрывисто и четко.

Инга записала на перекидном календаре адрес, который назвала жена Аникшина и, положив трубку, аккуратно вложила вчетверо сложенный календарный листок за прозрачную обложку красной записной книжки.

«В половине первого. Похороны начнутся в двенадцать». Ровно полчаса на погребение супруга. Но, конечно, это ничего не значит. Просто, когда живешь по соседству с могилами, смерть становится обыденностью. Или у нее, так же как и у Аникшина, особый, эзотерический взгляд на смерть...

9

В салоне пахло апельсинами. Цитрусовый парфюмерный запах смешивался со специфическими запахами красок и лаков для волос, с дымящимся кофе и почему-то напоминал о Новом годе.

Руслан порхал вокруг кресла, болтая что-то о предстоящем юбилее салона, о моде, о погоде, обрывая фразы на полуслове и время от времени мурлыкая легкие эстрадные мотивчики.

Можно просто закрыть глаза и ни о чем не думать.

— Так, последний штрих, — пропел Руслан, пританцовывая вокруг Инги, и с легкостью, достойной примы-балерины, нанес гель на отдельные пряди блестящих, как гранаты, только что окрашенных и подстриженных стильными перьями волос.

Инга не без удовольствия посмотрела в зеркало. Отражение улыбнулось с полным осознанием того, какое страшное оружие женская красота. Да, пожалуй, вишневый цвет еще лучше, чем малиновый. Руслан тоже остался доволен результатом и тихо мурлыкал в такт мелодии.

Не зря считается, что геи — лучшие парикмахеры.

В сексуальной принадлежности Руслана было невозможно усомниться. И дело даже не в павлиньей манере одеваться и прическе — искусно тонированный осенними оттенками «ершик». Просто, общаясь с Русланом, женщина каким-то шестым чувством ощущает, что он такой же, как она, и, может быть, даже женственнее.

— Супер! — одобрил Руслан, снимая с плеч Инги голубую накидку из непромокаемой ткани.

Подниматься с удобного парикмахерского кресла не хотелось. Так приятно среди праздничных ароматов под легкую музыку доверить свою голову ловким рукам Руслана и не

думать ни о гремучих змеях, ни об экстрасенсах-убийцах...

Из состояния нирваны Ингу вывел звонок мобильного телефона.

— Я уже возле гостиницы, — сообщила сестра тоном, который можно было понять как «давай, поторапливайся».

Ровно в семь Инга была у «Октября».

Ксюша, конечно, как и следовало ожидать, не подвела.

С распущенными волосами, в коротком темно-синем (этот цвет ей очень идет) платье-стрейч и черной лаковой укороченной курточке Ксюша нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

Инга издали помахала младшей сестренке рукой.

— Жду тебя уже десять минут.

— Кто тебе виноват? Мы же без пяти договаривались... Вот возьми, — Инга сунула в руки сестры фотоаппарат. Та послушно повесила его на шею:

— Опять придется играть роль начинающего фотокорреспондента?

— Только не кричи, пожалуйста, об этом на всю гостиницу...

— Барышни, вы к кому? — заволновалась вахтерша, увидев, что сестры направляются напрямиком в кабинет директора.

— Мы из газеты, — на ходу объяснила Инга. — Встреча оговорена.

— Григорий Отарович ничего не говорил, — заволновалась вахтерша.

Дверь директорского кабинета распахнулась, на пороге возник сам Долидзе. Застегнутый на все пуговицы плащ придавал еще большую респектабельность полной фигуре его обладателя. Под мышкой Долидзе сжимал папку. Вид директора говорил о том, что он, явно, не собирался возвращаться.

Долидзе остановил восхищенный взгляд на блондинке и сделал шаг назад.

— Не беспокойтэсь, Марья Сергеевна, это ко мне. Вы корреспонденты?

Сестры энергично закивали.

— Извинитэ, замотался совсем, — Долидзе помог Ксюше освободиться от курточки, и, водрузив ее на вешалку, принялся расстегивать свой молочного цвета плащ. — Гости из Гэрмании приехали. По приглашению губернатора. А тут этот ненормальный со своей змеей. Нэмку напугал до полусмэрти. Она двэрь номэра открыла, а там

ползет... Вы из одной газеты? Простите, забыл какой...

— Да. «Криминальная хроника». Меня зовут Инга. А это Ксения.

Ксюша улыбнулась, слегка наклонив голову.

— Наш внештатный фотокорреспондент...

— Нет, нет, не надо меня фотографировать, — запротестовал грузин. — Только фотографии моей сейчас в газете не хватало.

— Хорошо, не будем фотографировать, — с легкостью согласилась Инга.

— Что вас интересует?

— Люди, которые остановились в вашей гостинице накануне несчастного случая.

Долидзе понимающе кивнул, уверенно набрал телефонный номер, поднес к уху черную телефонную трубку:

— Коля, зайти ко мне. Здесь у меня журналисты из ...

— «Криминальной хроники», — подсказала Инга.

— Из газеты «Криминальная хроника». Интересуются, кто у нас останавливался накануне ... Ну ты понимаешь.

Судя по тому, что вопросов от Коли не последовало, он все понял.

Как выяснилось через минуту, Коля оказался Николаем Сергеевичем Калининым,

администратором гостиницы, человеком лет сорока, лысоватым, средней комплекции.

Администратор раскрыл толстую книгу, журнал учета. Инга торопливо раскрыла издавший виды толстый блокнот с красным автомобилем на обложке и женским лицом с неестественно яркими кошачьими зелеными глазами. Авторучка с несколько погрызанным колпачком служила одновременно и закладкой. Инга недовольно покосилась на сомнительный колпачок, но выбора не было.

— С начала месяца раз... два... три... Тринадцать человек. Роковое число, — глупо усмехнулся администратор. — Шестеро — делегация из Виттена. Завтра уезжают. Емец Андрей Петрович — первого — шестого октября. Горякина Марина Викторовна — седьмого — девятого октября. Аникшин Сергей Александрович — снял номер восьмого октября. Еремеевы Александр Анатольевич и Полина Федоровна — сняли номер восьмого... Вчера снял номер Пахомов Евгений Иванович. Кто снял номер сегодня — читать?

Инга кивнула.

— Куприяновы Владимир Владимирович и Ирина Александровна.

Инга на всякий случай записала все фамилии в блокнот.

— Что-нибудь нужно еще от меня? — администратор захлопнул толстую темно-синюю книгу.

Долидзе вопросительно посмотрел на Ингу, перевел взгляд на Ксению.

— Нет, больше ничего. Спасибо.

— Спасибо, — повторила Ксюша.

Администратор тихо закрыл за собой дверь.

— Значит, никто в гостинице не знал, что этот человек пригласил журналистов?

— Я нэ могу сказать, знал ли кто-то в гостинице, но то, что никто из персонала гостиницы нэ знал, в этом я нэ сомневаюсь, — сверкнул глазами грузин. — Зачем мнэ лишние проблемы? Я вообще не люблю иметь дело с прэссой. Разве что с такими красивыми дэвушками.

— А никто из людей, остановившихся у вас в октябре, не показался вам подозрительным? — снова попыталась Инга задать вопрос, который уже задавала по телефону.

— Вы знаетэ, Инга, как ваше отчество...

— Николаевна.

— Инга Николаевна... Мы здэсь нэ за кэм нэ наблюдаем. Кто же знал, что случится такое?

Когда Долидзе горячился, его акцент становился более заметным. Григорий. Значит, нечистокровный грузин. Хотя, какая разница? Да, надо купить новую авторучку. Посолиднее. Инга

снова недовольно посмотрела на потрепанный кончик авторучки и захлопнула блокнот. Весьма своевременно, потому что Долидзе уже бросал тоскливые взгляды на настенные часы, всем своим видом показывая, что его ждут в другом месте. Инга, в свою очередь, поняла, что больше из Долидзе вряд ли что-нибудь удастся вытянуть. Тем более, что младшая сестренка вместо того, чтобы подключиться к разговору, мысленно уже вытягивает ноги на показах коллекций Зайцева или Юдашкина, а то и D @ G.

— Спасибо за интервью, — Инга решительно застегнула молнию на сумке.

— Надеюсь, вы услышали то, что хотели.

Инга кисло улыбнулась. Журналистка рассчитывала, что ей удастся больше вытянуть из Долидзе.

— Приходите еще, — Долидзе помог Ксюше надеть курточку, снова окинул блондинку восхищенным взглядом:

— До свидания.

— До свидания, — широко улыбнулся грузин, застегивая пуговицы на молочном плаще.

Попрощавшись с вахтершей, девушки выскользнули в осеннюю прохладу.

Вечер был бы, пожалуй, довольно теплым, если бы не порывы северного ветра.

Какое-то время сестры шли молча.

— По-моему я ему не понравилась, — вздохнула, наконец, Ксюша и тут же сделала утешительный вывод. — Наверное, у него плохой вкус.

— Не думаю, что мужчине даже с самым плохим вкусом может не понравиться голубоглазая блондинка с длинными стройными ножками, особенно если этот мужчина — грузин... Но, конечно, если постоянно молчать и смотреть исподлобья...

— Может быть, я еще должна была взять за тебя интервью, а потом еще и статью самой написать?...

Ксюша была права. И Инге осталось только вздохнуть:

— И все-таки мне показалось, он что-то не договаривает. Может быть, даже он и разрешил Аникшину провести эту пресс-конференцию, но, скорее всего, все-таки не предполагал, чем она может обернуться. Странно, что он не предложил нам по чашечке кофе. Мог бы пригласить и в бар, тем более, что бар есть в гостинице. Там бы мы точно его разговорили. И вполне мог бы поинтересоваться, в какую нам сторону. Тем более, что он куда-то торопился, и наверняка, он на машине.

— А если он едет к любовнице? Он все равно должен был взять нас с собой?

— Н-да, — протянула Инга.

Четверг

11

Трудно найти более неприятную вещь, чем вставать в пять утра, особенно для ярко выраженной совы. Среди знакомых Инги почти не было жаворонков. А многие ее знакомые (разумеется, тоже совы) вообще не верили в существование жаворонков. Даже почти компетентный психолог Ксюша и та считала, что жаворонки — это всего-навсего те счастливые совы, которые имеют возможность спать днем.

А особенно жутко просыпаться в холодное октябрьское утро, когда ветер, успевший за ночь сойти с ума, вырывает из рук серо-голубой зонт и почти серьезно грозит поднять вместе с этим самым зонтом над землей.

И уж совсем неприятно ехать в такую мерзкую погоду на другой конец города, на автовокзал, в полусне стоять в пусть не длинной, но все-таки очереди за билетом.

Но хуже всего то, что с утра заложен нос и першит в горле. Не следовало, конечно, идти сначала к Руслану, а потом с непросохшими еще

волосами мчатся на интервью. Но откладывать визит в салон еще на неопределенное время тоже было уже невозможно.

Ну что ж, зато теперь она, Инга Иволгина, золотое перо газеты «Криминальная хроника» предстанет перед злодеем Меркуловым во всей своей убийственной красоте.

А морозящий липкий дождь и безумный ветер — неприятно, конечно, но, вероятнее всего, не смертельно.

У не подъехавшего еще «Икаруса» уже выстроилась очередь. Недовольно зевая, Инга увеличила собой ее хвост. За ней вскоре выстроились еще человек десять мазохистов, которые, дрожа от холода, тоже ехали куда-то с утра пораньше.

Наконец, триумфально подъехал грязноватый автобус и, оказавшись в его пахнувшем бензином салоне, Инга с наслаждением опустила на мягкое сидение у окна. Хоть в этом повезло сегодня утром!

Теперь два с половиной часа можно смотреть, как за окном мелькают дома и деревья и радоваться тому, что от дождя отгораживает невидимая стена, и капли, бессильно ударяясь о стекло, становятся похожими на расплывшиеся запяты.

Инга раскрыла детектив в черно-белой красной мягкой обложке с алой губной помадой, пистолетом и двумя одинаковыми женскими

профилями с алыми губами. И соответствующее алое название: «Тень Элизабет».

Автор — какая — то Анна Перл, и героиню тоже зовут Анна.

Вот уже неделю Инга не могла сдвинуться с шестнадцатой страницы, на которой, между тем, динамично разворачивалась интригующая завязка. Некая Анна, москвичка, только что сделала пластическую операцию, чтобы быть точной копии француженки Элизабет, жены миллионера. Но, о ужас, губы москвички Анны (для сходства с парижской светской львицей пришлось их накачать силиконом) приняли несколько неестественную форму. С отчаяньем глядя в зеркало, она звонит какому-то Артуру, который когда-то служил у этого самого миллионера и заварил всю эту кашу с «двойниками».

— Вот ведь погода сегодня...

Блондинка с короткой стрижкой в черном пеньюаре, ее отражения в трюмо, гипнотизирующий голос Артура и запах каштанов растаяли.

Рядом с Ингой сидела пожилая женщина, одетая так, что если не задаваться специально целью, запомнить, во что она одета, то ни за что не запомнишь.

— Да, погода, неважная, — неохотно отозвалась Инга, искоса поглядывая на попугайчицу.

Сразу видно, из тех, кто любит поговорить — не важно, о чем, и даже не важно, с кем. Иногда такие женщины просто находка для журналиста криминальной газеты. В ненавязчивой беседе в автобусе или пригородной электричке может рассказать много интересного.

Но сейчас Инга предпочла бы, чтобы рядом оказался молчаливый интеллигент и, желательно, тоже с какой-нибудь увлекательной книжкой.

— А что делать? Ехать всем надо. Я вот к сыну ездила. Соседку просила за кошками посмотреть. У меня три кошки. Соседка у меня хорошая, накормит, а все равно переживаю, мало ли что.

Инга вздохнула и попробовала читать дальше.

— Сын у меня хирург, и внук в медицинском учится. А вы, наверное, тоже, студентка? — вдруг обратилась к Инге на «вы» попутчица.

— Нет.

Неопределенное «нет» только разожгло любопытство навязчивой попутчицы.

— Нет? — почему-то удивилась она. — Такая молоденькая и уже работаешь?

— Мне уже двадцать два, — Инга положила билет на автобус на ту же шестнадцатую страницу, захлопнула книжку. Придется вернуться к парижским каштанам попозже.

— Моему внуку двадцать один. Парень есть?

— Да. Есть, — поспешно закивала Инга, прежде чем женщина начала заочно сватать ее за внука-студента.

— По делам едете?

Инга кивнула.

— У меня вот невестка, менеджером работает, тоже все время по командировкам. Вы, наверное, тоже менеджер?

Инга усмехнулась. По всей видимости, ее случайная знакомая задалась целью во что бы то ни стало выяснить как можно больше фактов из ее биографии.

— Нет, я журналист.

— Журналист? — еще больше оживилась попутчица. — А вы случайно не по поводу экстрасенса, ну того, который с собой покончил...

— Аникшин?

— Он самый.

Да уж, история эта наделал много шума, но почему эта женщина с такой уверенностью говорит, что...

— А почему вы думаете, что он покончил с собой?

Попутчица, явно, осталась довольна эффектом, которые ее слова произвели на молодую журналистку.

— Нельзя так о покойниках, но нехороший был человек.

— Вы его знали?

— Его — нет. Внучка моей соседки, Анечка...

Беленькая такая девочка, на тебя похожа... Совсем молоденькая... Этот негодяй Аникшин, — женщина понизила голос, — развратил девочку. Родители хотели в суд подать за изнасилование. А она взяла и вены себе порезала. Еле спасли. И родителям сказала: тронете его хоть пальцем, покончу с собой. Раньше такая послушная девочка была, а как связалась с этим Аникшиным, из дома пропадать стала... А зимой флакон таблеток выпила. Опять скорую помощь вызывали. Аникшин этот девочку в какую-то секту самоубийц заманил. Родители Анечки говорят, есть такая секта. Вот и смерть ему такая.

Да уж... Стоило отложить книжку в сторону. Тем более, что в гостинице, наверняка, все равно будет нечем заняться. Можно будет с чистой совестью вернуться к парижским каштанам.

Правда, больше попутчица ничего интересного не рассказала. Только с жаром повторила несколько раз «сволочь» в адрес Аникшина и во всех подробностях поведала Инге о всех добродетелях своего внука. О том, что он не пьет и не курит, по ночным клубам не лазает. Сидит дома, книжки читает. В общем, редкий зануда.

Зато случайная знакомая дала адрес той самой Анечки. Наверняка она знает много интересного об

этом Аникшине. Вот только вряд ли расскажет. А вот ее родители, если, конечно, правильно начать разговор, не поспеют на подробности.

12

Уютный районный город встретил Ингу все тем же морозящим липким дождем. Октябрь, распластавшийся на небе, как гигантский спрут, и сюда проник своими щупальцами. Как будто она снова вернулась в ту же точку, откуда выехала два с половиной часа назад.

Так же вяло тянутся потоки прохожих и держат разноцветные зонтики над головами и от этого напоминают муравьев, несущих странную поклажу.

Такие же дома, странно соседствующие старые одноэтажные домики и многоэтажки. И те, и другие — приглушенных оттенков, которые кажутся особенно бесцветными в тусклый октябрьский день.

У входа в магазин продавали цветы. Инга выхватила взглядом из красных, белых и желтых роз, белых лилий и хризантем, две бардовые розы.

Две бардовые розы — похоже, это знак! Надо ехать на кладбище.

Дом Аникшина, зеленый, одноэтажный, с низеньким забором и громоздкими воротами, Инга увидела сразу.

Путь от открытых ворот до кладбища был усыпан гвоздиками и еловыми ветками. Когда-то кто-то Инге говорил, что наступить на такой цветок или веточку — плохая примета.

Гвоздики и еловые ветки вывели Ингу к еще не засыпанной могильной яме.

Инга остановилась. У гроба, опустив головы, стояли две женщины. Одна, на вид около тридцати пяти — в черном платке. Другая, лет сорока с лишним, с черной повязкой вместо платка, единственная из всех держала в руке раскрытый зонт, сюрреалистическим желтым пятном возвышавшийся над могилами. Двое из четверых мужчин, явно, могильщики. Еще один, в длинном черном плаще, скорее всего, муж женщины с сюрреалистическим зонтом. Вторая, конечно же, жена Аникшина. Самый молодой мужчина, в джинсах и черном пальто, наверное, брат Аникшина или кого-то из этих людей, сопровождающих его в последний путь. Чуть поодаль, отгороженные несколькими могилами, за похоронами наблюдали две девушки, обе без платков, с длинными распущенными волосами — одна русоволосая, другая — брюнетка.

Лиц на таком расстоянии не видно... Но без сомнения, обе пришли не просто из любопытства.

Вот и все... Инга вздохнула. Похороны человека, смерть которого наделала столько шума, собрали всего девять человек, двое из которых — могильщики и один — журналист областной криминальной газеты.

Все молчали. Лениво моросил дождь. Говорят, когда хоронят хорошего человека, идет дождь. Плачет небо... Но как же тогда история с Анечкой? Или дождь идет, когда хороший человек умирает... Но и позавчера тоже моросил дождь. Да и вообще не известно еще, что там было с Анечкой, и было ли что-то вообще... Да и умер во вторник не только Аникшин... Конечно же, все это всего лишь суеверия...

Могильщики медленно опустили крышку гроба. Женщина помоложе зарыдала. Мужчины опустили головы ниже.

Привычным движением один из могильщиков ударил молотком по гвоздю с таким же спокойным выражением лица, как будто вколачивал гвоздь в стену, чтобы повесить картину.

Инга перевела взгляд на бардовые мокрые розы в своих руках. Две свежие розы как символ Вечности... Нет, просто два красивых темных бутона. Никаких символов!

— Это ты его убила!

Длинноволосая брюнетка сорвалась с места. Несколько безумных прыжков, и она подскочила к женщине с зонтиком, и прежде, чем та успела понять, что происходит, вцепилась ей в волосы.

— Дрянь! Идиотка! Ненормальная! — женщина оттолкнула девушку зонтом.

Та вцепилась в зонт с такой силой, что упала вместе с ним и чуть не соскользнула в могилу.

— Ненавижу тебя! — девушка заплакала. — Сука! Это ты убила его!

Грязной рукой девушка провела по лицу, пытаясь вытереть слезы.

На щеке остался грязный след.

Эти безумные глаза, болезненного цвета кожу и волосы, заплетенные в мелкие косички, издали смотревшиеся как просто длинные распущенные волосы, Инга вспомнила в первую секунду. Так же, в первую секунду, они врезались ей в память два дня назад, на той безумной пресс-конференции.

— Я сейчас вызову милицию, — перестала плакать женщина в черном платке.

— А ну убирайтесь отсюда! — резким движением поднял девушку мужчина в черном плаще.

— Марина, пойдём отсюда, — подбежала к брюнетке светловолосая девушка. — Она ещё получит свое, — с ненавистью повернулась к

женщине, которая стояла теперь уже без зонтика и презрительно смотрела на обеих девушек.

— Пошли отсюда!.. — процедила она сквозь зубы. — Проститутки!

— Кто проститутки? Мы проститутки? — девушка с афрокосичками отчетливо выкрикивала каждое слово. — Ты! ш-шалава!

Теперь женщина первой вцепилась ей в волосы, обе снова оказались на земле, у самого края могилы.

— Прекратите! — вмешался могильщик, мужчина лет сорока с бесцветными серыми волосами. — Не забывайте, где находитесь!

Грязный желтый зонт со сломанными спицами опрокинуло ветром в могилу. Второй могильщик, внешне очень похожий на первого, спрыгнул за ним в яму. Женщина помоложе снова зарыдала.

— Давайте, катитесь отсюда! — подтолкнул сразу обеих девушке к кладбищенской дорожке молодой человек в черном свитере.

— Убери свои руки, урод! — не могла успокоиться брюнетка.

— Ты тоже с ними? — остановил молодой человек взгляд на Инге.

— Нет, нет...

Инга замолчала. Не объяснять же в такой момент, что она приехала по делу. Да и не стоило

вообще заглядывать на кладбище. Но что теперь сожалеть, тем более, что здесь ей открылось нечто весьма интересное... Вот только что означает эта сцена?

И кто эти девушки? Инга обернулась. И странно, почему девушка с афрокосичками не узнала журналистку с волосами экстремального цвета, которая была на той самой пресс-конференции? Правда, волосы сейчас уже не такого кричащего оттенка, да и при пасмурной погоде, наверное, кажутся совсем темными... Впрочем, в такой момент, конечно же, могла и не узнать, тем более, что девушка, судя по внешнему виду и неадекватному поведению, вполне может оказаться наркоманкой.

Инга ни раз общалась с наркоманами, а год назад даже делала репортаж «Семь дней из жизни наркоманов». У всех этих ребят, в компании которых она провела неделю, был такой же, как у этой девушки, ничего не выражающий взгляд, в котором сквозил разве что страх.

Вот только что связывало этих девочек и Аникшина? Неужели случайная попутчица сказала правду? Может быть, даже та, вторая девушка, и есть та несчастная Анечка... Какой у нее взгляд, Инга не успела заметить, но решила, что, скорее всего, такой же, как у девушки с афрокосичками.

Подружки удалялись, сгибаясь от ударов молотка (могильщики продолжали свое дело). Девушка с афрокосичками громко рыдала. Светловолосая, всхлипывая, ее утешала.

Женщина лет сорока (видимо все-таки она — жена Аникшина) стояла с плотно сжатыми губами и ничего не выражающим лицом. Дождь стекал по ее щекам, напоминая слезы. А может быть, она плакала на самом деле.

Но лицо ее сохраняло все то же непоколебимое выражение, даже когда могильщики начали опускать гроб в яму.

Вряд ли любящей жене в такой момент удалось бы сохранить спартанское хладнокровие, будь она хоть тысячу раз посвященная, хотя, конечно, каждый переживает горе по-своему.

К низенькому памятнику поставили большой венок, жена Аникшина воткнула в могильную землю букетик искусственных ирисов.

Ветер шумел в вышине, шуршал вершинами сосен. Иголки падали на свежую влажную могильную землю, и уже слегка присыпали могилу.

Жена Аникшина молча смотрела на черно-белую фотографию на памятнике, потом вдруг резко повернулась и заметила Ингу.

С вызовом посмотрела прямо в глаза, наверное решила, что перед ней еще одна

соперница, но тут же перевела взгляд на две бардовые розы...

Догадалась:

— Вы, наверное, корреспондент...

— Да, да, — Инга положила розы к памятнику. — Это вам я вчера звонила?

— Да, — женщина направилась к дому

— Примите мои соболезнования. Я должна была подойти к половине первого... — Инга не знала, как вести себя в такой ситуации, но жена Аникшина понимающе кивнула. — Ничего...
Пойдемте в дом.

На поминки Аникшина пришли еще две старушки-соседки.

— Вот ведь как ... был человек, и нет человека, — приговаривала одна из них, обгладывая куриную ножку.

— Надо же... такой молодой... — повторяла другая.

Больше на поминки не пришел никто. Ни одного посвященного. Странно... Женщина лет тридцати пяти оказалась сестрой Аникшина. Та же неопределенность черт лица, но, может быть, именно из-за этого и не скажешь на первый взгляд, что похожи.

Совсем другое дело — жена Аникшина, яркая, но некрасивая брюнетка, с очень бледным лицом.

Родные Аникшина и старушки называли ее Светлана, но при этом казалось, что обращались к кому-то другому, настолько жене Аникшина не шло ее имя. Пожалуй, если бы не чрезмерная худоба, ее можно было бы назвать привлекательной. Конечно, если правильно подобрать макияж и одеть со вкусом. Но безжизненное лицо со впалыми щеками в сочетании с большими глазами и довольно крупным носом с легкой горбинкой казалось немного мистическим. Волосы с проседью подстрижены под каре. По всей видимости, Аникшина даже не пыталась закрасить седину. Да, наверное, именно такие женщины и становятся женами экстрасенсов.

Мужчина постарше оказался мужем сестры Аникшина. Молодой человек — его младший брат. Довольно симпатичный. Красивые, пожалуй, даже слишком правильные черты лица. Немного высокомерия — и он превратился бы в стандартного слащавого красавчика. Не спасли бы и ямочки на щеках.

Да уж, как раз подходящий момент, чтобы восхищаться ямочками! Тем более, и Макс в другом городе. Весьма кстати. Нет, до Макса парню с ямочками на щеках, конечно, далеко. Инга снова перевела взгляд на жену Аникшина, и затем на большие позолоченные настенные часы с вензелями напротив. Двенадцать пятнадцать.

Просторная комната с большим раздвижным столом, по всей видимости, служит гостиной. Темно-зеленая тройка — диван и два кресла, телевизор в углу. Люстра в форме полусферы. Однотонные салатные обои.

На стене — одна-единственная картина. На переднем плане — пески и скалы. А вдали, как остров в безбрежном океане, — таинственный сиреневый лес, манящий и пугающий. Странный инопланетный пейзаж.

В таком помещении хорошо медитировать. Ни ковра, ни паласа. Инга терпеть не могла ковры и паласы, но в этой комнате, явно, чего-то не хватало для уюта. Может быть, цветов? Да, и еще каких-нибудь мягких безделушек, вроде тех говорящих сердечек и поющих медвежат, которые обожает дарить Макс. Но, наверное, в квартире, где вместо кошечки держат гремучую змею, это выглядело бы, по меньшей мере, наивно. А может быть, здесь есть еще одна гремучая змея, и возможно, даже не одна. Инга невольно поежилась, так ярко воображение нарисовало ей змею, выползающую из-под дивана, на котором она сидит.

Ровно в половину первого Светлана встала из-за стола, кивнула Инге: «Пойдемте».

Светлана провела Ингу на кухню, идеально чистую, несмотря на то, что накануне в доме готовилось много еды. Кухня выдержана в том же минималистском стиле, что и гостиная. На окнах белоснежные шторы, стирильные, как в больнице. На столе, застланном голубой клеенкой в белую клетку стояла только пустая, чисто вымытая майонезная банка.

Два стула напротив друг друга. Плита. Навесной шкафчик с тарелками. Ничего лишнего, никаких тряпочек — салфеточек, которые Инга тоже ужасно не любила.

Вдова достала пачку сигарет, протянула Инге:
— Курите?

Инга потянулась было за сигаретой, но вспомнила, что бросила курить и отдернула руку.

— Нет, спасибо.

Достала из большого выдавшего виды темно-коричневого кожаного рюкзака маленький цифровой диктофон, блокнот и новую авторучку.

Инга включила диктофон.

Светлана затянулась сигаретой.

— Его все ненавидели, что и говорить. Все эти шарлатаны. Даже на похороны никто не пришел.

Женщина в черной повязке горько усмехнулась.

— Кто, например?.. — осторожно начала Инга.

Похоже, то, что вчера говорил этот чудак Чурилов, — не такой уж и бред.

— Да все, кого ни возьми... — покачала головой Аникшина.

Инга понимающе покачала головой, вопросительно глядя на вдову.

Светлана затянулась сигаретой и продолжила:

— Тот же Меркулов...

— Меркулов? Кто этот Меркулов?

— Есть у нас такое общество шарлатанов. «Третий глаз» называется. Меркулов — его председатель... нет, — снова горько усмехнулась Светлана. — Президент...

— Ваш супруг в этом обществе не состоял?

Неожиданно Светлана рассмеялась. Смех, печальный и жуткий, расползся по дому, перешел в плач.

— Простите, — размазала вдова слезы по лицу.

Затянувшись сигаретой, Светлана продолжала.

— Было бы очень смешно, — и снова странно усмехнулась.

— А почему вы считаете, что Меркулов ненавидел вашего супруга?

— Да потому что Меркулов постоянно ходил на все его сеансы, все пытался узнать, в чем секрет «фокуса». А секрета- то никакого не было, яд на

него на самом деле не действовал — и все. И потом... у мужа было много людей, которых он лечил. Каким-то образом Меркулов узнавал их телефоны, звонил им, говорил, что будто — бы Сережа — шарлатан, или, как он его называл, «фокусник». Это они сами потом рассказывали.

— Скажите, Светлана, а вы тоже ... — Инга закашлялась. Точно простуда! — посвященная?

Вдова встала, подошла к окну. Из окна было видно кладбище.

— Боже упаси! С тех пор, как Сережу ударило молнией, его уже трудно было назвать нормальным человеком. Может быть, кому-то он и помогал, но жить с ним под одной крышей стало просто невозможно.

Светлана вернулась за стол, бросила окурок в майонезную банку.

— Почему?

Бестактный вопрос, конечно... Но, похоже, Светлана даже ждала его, а вернее, любой возможности выплеснуть боль.

— Он постоянно повторял, что мне его не понять. Где уж там! А раньше мы друг друга понимали, можно сказать, с полуслова. В последнее время он часто кричал на меня, пару раз даже ударил. За лечение он денег не брал, разве что если кто очень настаивал, или если продукты кто принесет. Но продукты у нас и свои есть. Огород во

дворе, кролики... А не работал он уже года два. Как ушел с комбината, так и не пытался устроиться на работу. Я ему: «Хватит сидеть у меня на шее». Я пекарем в булочной работаю. А он мне: «У меня дар». Вот и все.

— Н- да... Как вы думаете, Меркулов способен на убийство?

— Нет, — уверенно замотала головой Светлана. — Если поговорите с этим человеком, поймете... На мелкие подлости, да, на это он способен... Но на убийство... Нет... Это подленький, но трусливый человек. Нет, на убийство он не пошел бы.

— Но он мог бы нанести... энергетический удар?

Светлана удивленно посмотрела на Ингу и вдруг неожиданно ответила:

— Кишка тонка! Да и не очень я верю в то, что можно нанести такой удар. Может, кто-то и может. Но не Меркулов — точно!

— А эти девушки, которые были на кладбище... Вы их знаете?

— Вокруг Сережи в последнее время вертелось много сумасшедших. Появились даже какие-то фанатки, которые ходили на все его сеансы, или что он там еще проводил... Ту, с косичками, которая набросилась на меня, я видела пару раз. Один раз на сеансе, в доме культуры. В

другой — возле нашего дома. Другую я никогда раньше не видела. Но, думаю, таких девиц в последнее время возле Сережи околачивалось много. Но вряд ли кто-то из них имеет отношение к его убийству...

— Вы думаете, это было убийство?

— Я не думаю. Я уверена в этом.

Светлана закурила вторую сигарету.

— Но если не энергетический удар, значит, остается отравление. Но как такое возможно, если на вашего мужа не действовали яды?

— Не все яды... Его не брал керосин, бензин, ацетон... Тосол, уксус... Пожалуй, и все. Как-то, может быть, полгода назад он экспериментировал с мышьяком. Кончилось все очень плохо. Сережа попал в больницу с острым отравлением. Время от времени он ставил на себе эксперименты, но всегда был очень осторожен.

— А когда он завел гремучую змею?

Инга снова с опаской обвела взглядом пространство вокруг.

— Что вы! У нас в доме никогда не было змей! Я их до смерти боюсь. Хотя Сережа не раз заводил об этом разговор. Он говорил, что собирается перед этой пресс-конференцией заехать к своему старому другу, который разводит змей. Кажется, он живет в вашем городе.

— А у вас случайно нет фотографии этого человека?

— Есть. Только старая, — вдова снова встала, повернулась к окну. — Что-то не то с этой змеей. Я не знаю, что это за человек — его школьный друг, и как ему перешел дорогу Сережа, но Сережа часто называл друзьями своих врагов. Даже подлостей Меркулова не замечал до последнего. Сережа очень боялся провала, он никогда не стал бы делать что-то, если бы не был уверен, что все пойдет, как надо. Да, он был склонен переоценивать свои возможности, но он всегда был очень осторожен. Здесь что-то не то. Я чувствую это.

— Может быть, у вашего супруга были в последнее время какие-то серьезные проблемы? — предположила Инга.

— Нет.

— И ничего в его поведении вас не настораживало?

— Нет, ничего...

— Простите... бестактный вопрос, но я хотелось бы узнать, что вы думаете об этом... Опыты с мышьяком, со змеей не могли быть подсознательным желанием умереть?

Вдова Аникшина резко повернулась к Инге. По бледному лицу Светланы текли слезы.

— Нет, — со странной блаженной улыбкой вздохнула она. — Он собирался жить вечно. —

Смахнув слезы, вдова снова обрела бесстрастное выражение лица. — Сейчас я вам кое-что покажу.

Вдова стремительно вышла из кухни и вернулась с альбомами и кипой каких-то бумаг.

Светлана наугад открыла потрепанный альбом с котенком на обложке и улыбнулась сквозь слезы:

— Наша свадебная фотография...

Вдова Аникшина быстро перевернула страницу, но Инга успела заметить, что в молодости она была очень даже хороша собой, а Аникшин, напротив, в последние дни своей жизни был гораздо симпатичнее, чем в пору юности.

— Вот он!

Вдова Аникшина даже вынула из прозрачного окошечка фотографию. Инга осторожно взяла ее.

На первый взгляд, обычная любительская фотография. Молодые люди за столом. По всей видимости, студенты.

На столе салаты, водка и вино. Значит, что-то отмечают.

— Это день рождения Сережи. В студенческом общежитии.

Аникшин обнимал красивую блондинку с волнистыми волосами до плеч. Больше девушек на фотографии не было.

— На этой девушке, — заговорщицки сообщила Светлана. — Тот самый однокурсник

Сергея женился. Но сначала с ней встречался Сергей. Кажется, ее зовут Ира...

Да уж, на фоне блондинки Аникшин выглядел совершенно невзрачно. И блондинка, и Аникшин оба чему-то смеялись. Смеялись и трое молодых людей за столом. Только один, в полосатой тельняшке, был, по всей видимости, далек от веселья, оставался серьезным и даже мрачным.

— Кто из них разводит змей?

— Вот этот, — показала Светлана на щуплого брюнета в тельняшке, того самого, которому было грустно на празднике Аникшина.

— А где учился ваш муж?

— В вашем пединституте, на индустриально-педагогическом факультете.

Инга достала из сумочки фотоаппарат, пересняла фотографию.

— Теперь посмотрите вот это, — протянула Аникшина Инге листов двадцать, исписанных нервным неровным почерком, с какими — то странными рисунками, скрепленных большой железной скрепкой.

Какие-то наброски, скорее всего, черновик, судя по тому, как некоторые фразы и целые абзацы старательно вычеркнуты. Но черновик очень аккуратный, как будто каждое слово тщательно продумано или кем-то продиктовано. Наверное,

чистовик мало бы отличался от этих первоначальных набросков.

— Скажите как человек пишущий, — посмотрела Аникшина своим спокойным и в то же время вызывающим какую-то смутную тревогу взглядом, прямо в глаза Инге. — Если человек только что начал роман, который считает главным делом своей жизни, если он хочет в этом романе открыть истину, которую знает только он сам... Скажите, такой человек может вдруг покончить с собой?

13

Покинув странный дом со светло-зелеными стенами, Инга полной грудью вдыхала влажный воздух с такой радостью, будто в первый раз вышла на улицу, выздоровев от тяжелой болезни.

На прощание Светлана вручила девушке темно-розовую прозрачную папку с черновиками Аникшина.

— Не волнуйтесь, я обязательно верну — только сделаю ксерокопию.

— Можете оставить ее у себя... Может, даже опубликуете отрывок в своей газете. Сережа был бы очень рад.

И все-таки в первую очередь девушка принялась узнавать у прохожих, где поблизости можно сделать ксерокопии.

Подсказка молодого прохожего с таким же рюкзаком, как у нее, по всей видимости, студента, привела Ингу к неприметной деревянной двери, которую украшали сразу две скромные желтые вывески с черными буквами «Фотография» и «Ксерокс».

И камера, и компьютер, и ксерокс находились в одном небольшом помещении.

Молодой человек с темной бородкой и ушами странной формы, такие обычно бывают в фантастических фильмах у оборотней, — типичный фотограф — быстро отксерокопировал рукопись.

— Приходите еще, — улыбнулся молодой человек с необычными ушами. — К нам не часто заглядывают такие.

«Такие» прозвучало комплиментом.

Инга выскользнула на улицу раньше, чем симпатичный молодой человек успел попросить у нее телефон. Правда, на прощание ослепительно улыбнулась.

Ну вот, теперь можно с чистой совестью искать гостиницу. Погода, между тем, прояснилась, и можно было не особенно спешить... Тем более, что Меркулова и прочих «завистников» она сможет увидеть только завтра.

Светлана сказала, что члены клуба «Третий глаз» каждую неделю собираются в доме культуры. Имеет смысл прийти прямо туда, и лучше сразу не представляться журналистом.

Скучающая женщина средних лет, администратор гостиницы, оживилась при появлении девушки.

— Горячей воды нет уже неделю, — предупредила женщина, пока Инга заполняла бланк. — Но могу дать кипяток. Зато туалет и душ в каждом номере.

Выпив чаю в кафетерии на первом этаже этого же здания, но с другого входа, так что попасть туда можно было только с улицы, Инга вернулась в гостиницу.

Дверь с номером «24», ключи от которой ей с улыбкой вручила приветливая администратор, находилась на втором этаже, куда вела темная лестница.

То, что представляло собой холл — журнальный столик, два кресла с выцветшей обивкой и засушенные высокие стебли в вазе, стоящей на полу — было зачем-то отгорожено мрачной белой решеткой.

Откуда-то доносились пьяные мужские голоса.

В номере оказались только кровать, тумбочка и странная картинка в рамке на стене. Поздняя осень. Ветер сорвал уже последние листья. От такой картинки (скорее всего, репродукция из учебника) душный и влажный номер кажется промозглым.

Инга открыла форточку. Стало совсем холодно. Пришлось закрыть.

Девушка вздохнула. Ничего не поделаешь — пару дней придется потерпеть. Хорошо, еще есть «Тень Элизабет» в рюкзаке, и ксерокопия начатого романа в темно-розовой папке.

Инга скинула рюкзак, голубую ветровку и малиновый свитер с горлом. Осталась в джинсах и летнем сиреневом топе. Очень удобно, когда едешь в командировку, одеваться, как капуста. Всегда можно снять лишнее.

Удобно устроившись, сидя по-турецки на кровати, застеленной серо-синим пледом, Инга принялась исследовать рукопись.

Пожалуй, это будет любопытнее «Тени Элизабет»... Во всяком случае, начиналась она весьма интригующе...

Две тысячи лет Одинокий Лот ждал этого дня... И вот он настал. Одинокий Лот не бежал — летел по Долине Скал, и его черный плащ и длинные темно-зеленые волосы развивались за его

спиной, точно крылья. Зеленоватое лицо мудреца было озарено таким ярким внутренним светом, что его глаза сияли, как два маленьких солнца. И вот, когда вдали показалась Скала Пророчеств, Одинокий Лот, действительно, поднялся на воздух и не заметил сам, как оказался на самой вершине самой высокой в Долине Скал скалы.

На вечно безоблачном небе сияло солнце, переливаясь всеми оттенками желтого, голубого и фиолетового, от чего на скалах играли разноцветные блики. Сколько раз за две тысячи лет Одинокий Лот видел этот пейзаж, который сменялся только абсолютной темнотой, когда в Долине Радуг наступала ночь. Но никогда солнце, светлое фиолетовое небо, розоватый песок и раскрашенные солнцем в разные цвета скалы, не казались Одинокому Лоту такими прекрасными.

Н-да... Инга вытянулась на кровати. А пишет этот Аникшин очень даже неплохо. Писал бы лучше романы. А вот дальше — очень интересно...

С не известно, откуда взявшейся силой Одинокий Лот легко отломил от скалы острый осколок и вскрыл им себе вены. Горячей зеленой жидкостью мудрец в экстазе писал на скале то, что диктовал ему Голос, не понимая значения услышанного. Одинокий Лот слышал только

величественный гул, а его рука сама выводила письмена.

Когда гул смолк, Одинокий Лот ощутил такое умиротворение, что почти забыл о том, что бессмертен. Мысль, которая не давала ему покоя столько сотен лет!

Невольно мудрец залюбовался солнцем, и лицо его, с огромным крючковатым носом, тонкими губами и маленькими, наполненными мудростью и добротой глазами, было в эти мгновения прекрасным.

«Пророчество!» — вспомнил Одинокий Лот и рассмеялся так громко, что смех его эхом отозвался по всей Долине Скал. Как он мог забыть о Пророчестве — смысле всей своей бесконечной жизни! «Странно, должно быть, — подумал Одинокий Лот. — Столько сотен лет в Долине Скал не слышали веселого смеха. Тихий, нежный смех Эрниста не в счет!»

Эта мысль еще больше развеселила Одинокого Лота, и он рассмеялся еще громче, так, что из глаз его брызнули слезы.

Мудрец бросил взгляд на свою руку. Рана уже успела затянуться, оставив только белый след.

Одинокий Лот вздохнул и перевел взгляд на Пророчества.

Первое из них «Каждый, прозревший трижды, станет тенью», Одинокий Лот написал две тысячи с

лишним лет назад, незадолго до того, как Мун-Слепец стал тенью. Ужасное пророчество, которое заставило Одинокого Лота от отчаяния замолчать на двести лет. Но когда эти двести лет истекли, Одинокий Лот снова ощутил Озарение, и новое пророчество вселяло надежду.

«Бессмертные покинут Долину Скал и обретут Избавление».

Одинокий Лот улыбнулся, вспомнив, как роптали тогда Бессмертные и особенно Слепцы. Ведь в пророчестве ничего не говорилось о Слепцах и о Муне-Тени. Но бедняга Мун уже не может ничего сказать... Как требовали, чтобы он, мудрейший из бессмертных, рассказал им, когда и как они обретут долгожданное Избавление. Если бы это зависело от него! Но все, что он мог — это ждать нового озарения, которое откроет Истину.

И вот... наконец!..

Предвкушая близкое блаженство, Одинокий Лот с улыбкой начал читать то, что вывела его рука:

«Слепец укажет путь слепцам, но только зрячий увидит его. Когда Вечно Юный станет Тенью, бессмертные обретут Избавление».

— Нет!!! — пронесся над Долиной Скал душераздирающий крик Одинокого Лота.

День, которого так ждал мудрец, оказался самым страшным днем за всю его бесконечную жизнь, но, кажется, впереди еще более черные дни.

Нет, только не Эрнист, только не Эрнист... Почему именно Эрнист?.. Нет, это слишком, слишком дорогая плата...

Одинокий Лот поднял каменный осколок у своих ног, тот самый, которым вскрыл вену и с ненавистью нанес несколько ударов по затянувшемуся шраму. Фонтан горячей зеленой жидкости брызнул на пророчества, и рана тотчас же снова затянулась.

— Бес-смер-тен!!! Про-оклят!!! — Тяжелые, как огромные камни, с вершины Скалы Пророчеств сорвались слова.

Одинокий Лот бессильно опустился на выступ скалы и внезапно вспомнил слова мудрейшего из мудрейших — Муна — , тайну тайн, которой он успел поделиться с Одиноким Лотом до того, как стал Тенью.

«Если вдруг в самом глубоком отчаянии оказаться на самой вершине Скалы Пророчеств и прыгнуть вниз...» — вспомнил Лот голос Муна так отчетливо, как будто Мун сам сейчас говорил с ним...

Одинокий Лот закрыл глаза и шагнул с высоты...

Третью страницу украшало изображение бабы Яги в плаще, сидящей на вершине какой-то горы. Аникшин старательно вывел профиль своего героя

и не менее старательно закрасил его приглушенно-зеленым (видимо, смешал с простым карандашом) и так же тщательно растушевал. Плащ, черный, как вороново крыло. Черный фломастер или маркер. И волосы тоже покрашены маркером цвета зеленки. Солнце желто-фиолетовоголубое, как и описывает Аникшин. И такие же скалы.

Вернее, только несколько вершин. Там, внизу, еще должен быть розовый песок.

Впечатляет. Хотя художник из Аникшина получился бы едва ли.

Инга быстро перебирала листки.

Дальше какой-то фиолетовый лес. Видимо, фиолетовый, зеленый и черный — любимые цвета Аникшина.

Инга вспомнила картину в его доме. Как будто опытный художник создал ее по рисункам Аникшина. Или это парапсихолог, вдохновленный необычным пейзажем, начал писать свой странный роман?

Девушка вложила оригинал обратно в темно-розовую папку.

«Ангел или демон?» — без сожаления о содеянном размышлял Одинокый Лот, услышав над собой низкий мелодичный голос. «Где я? Уже в аду?» Несчастный пророк открыл глаза и увидел